

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ГАГАУЗИИ

им. М.В. МАРУНЕВИЧ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ГАГАУЗОВ

КОМРАТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА
1906 ГОД

ОГУЗСКОЕ
ГОСУДАРСТВО
IX - X в.в.

КОМРАТ

Авторы Туфар Н.Х.
Туфар Н.Н.
Кинятулы З.

Редакционная коллегия:

Пашалы П.М.
Романова С.Я.
Гербалы Л.Н.
Палачор Д.Г.
Маринов В.А.

Туфар Н.Х.

Очерки истории гагаузов : Комратская Республика 1906 год. Огузское государство IX-X в.в. / Туфар Н. Х., Туфар Н. Н., Кинятулы З. ; редкол: Пашалы П. М. ; Науч.-исслед. центр Гагаузии им. М. В. Маруневич. – Комрат: Centrul de Cercetări Științifice al Găgăuziei «M. V. Marunevici», 2015. – 68 p.

ISBN 978-9975-3075-2-9.

94(478-21)

T 91

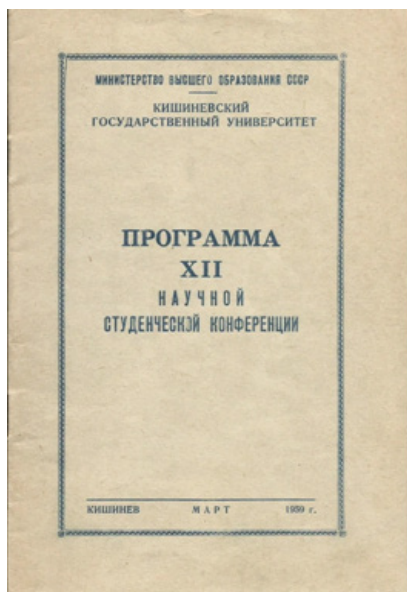
**Комратская республика 1906 год –
предтеча этнополитической деинфантилизации гагаузов**

К 80-летию Н.Х.Туфар

Мой однокурсник Николай Харламович Туфар, сегодня доцент Комратского государственного университета – сын эпохи возрождения гагаузов. Один из того славного поколения, которое из сёл Южной Бессарабии устремилось в институты и университеты страны. Будущие солдаты корпуса интеллектуалов были катализированы стремлением познавать этот прекрасный мир и место гагаузов в нём. Тяга к знанию, как жизненное кредо, привела Н.Х.Туфар, будущего автора многочисленных статей и книг, на историко-филологический факультет Кишинёвского государственного университета. Успешно сданные экзамены за первый семестр первого курса сделали его духовным лидером учебного процесса. Его преподавателями стали доцент Иван Иванович Мещерюк – легендарная личность – трижды лично обратившийся к секретарю ЦК КПСС Н.С.Хрущёву с обоснованным предложением о самоопределении гагаузов в виде автономной республики (См. подробнее: Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов, М., 2004, с. 74-96). Проректор КГУ Виссарион Константинович Тотров, блестящий знаток этнографии народов Северного Кавказа, с энтузиазмом цитировал в своих лекциях по основам этнографии для первокурсников свеженький, ещё пахнувший типографской краской фолиант – учебник классика российской этнографической науки Сергея Александровича Токарева: «Этнография народов СССР. Исторические основы культуры и быта» (М., 1958). Вместе с нынешним известным молдавским археологом, доктором исторических наук, профессором Ионом Никулицей Коля Туфар лучше остальных сокурсников сдавал экзамены строгому декану факультета Михаилу Павловичу Мунтяну, энциклопедически образованным Р.Энгельгар-

ду и выпускнице Ленинградского университета Н.Бреговской, читавшей курс археологии и истории древнего мира.

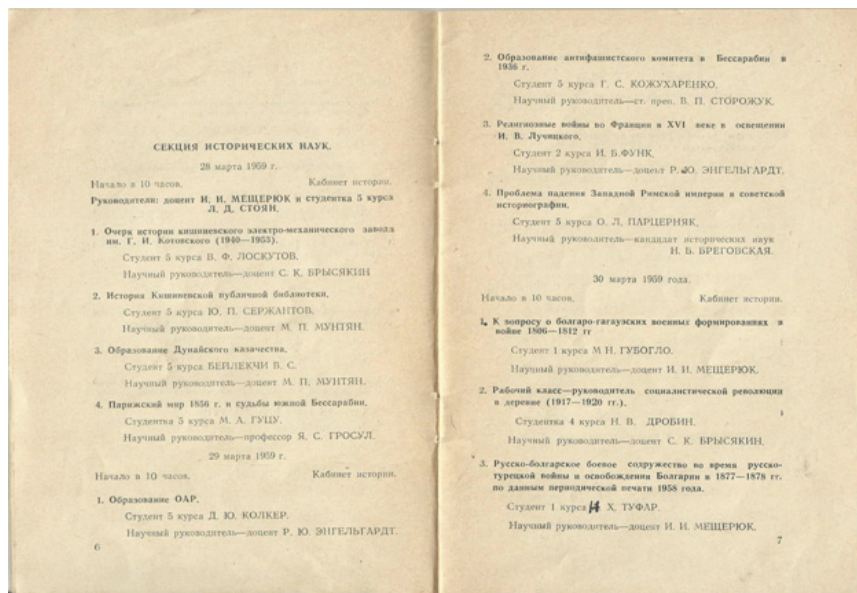
Выдающийся молдавский историк, болгарин по происхождению, И.И.Мещерюк, внесший огромный вклад в пробуждение этнического самосознания гагаузского народа, незаслуженно забытый конструкторами гагаузской государственности, на семинарских занятиях заметил пытливого и талантливого юношу и пригласил первокурсника Н.Х.Туфар в Студенческое научное общество (СНО) Кишинёвского университета. Высокая чувствительность к источникам и историческим документам, проявленная Н.Туфаром в ходе семинарских «разборок» статей «Русской Правды» Ярослава Мудрого, дали основание И.И.Мещерюку предложить зелёному ещё студенту, но подающему большие надежды, важную и ответственную тему для первого научного исследования.

На XII научной студенческой конференции, состоявшейся в Кишинёвском университете 30 марта 1959 года, Н.Х.Туфар выступил с докладом «Русско-болгарское боевое содружество во время русско-турецкой войны и освобождение Болгарии в 1877-1878 гг. по данным периодической печати 1958 г.». Доклад вызвал большой интерес в студенческой аудитории и высокую оценку профессорско-преподавательского состава КГУ. Понятное дело, доклад имел символическое значение. В 1958 году, Когда Н.Х.Туфар

был студентом 1 курса Кишинёвского университета, и подготовил свой первый научный труд, исполнилось 80 лет со дня завершения русско-турецкой войны.

Сегодня я держу в руках пожелтевшую от времён «Программу» этой конференции на 34 страницах и встречаю на многих её страницах доклады всего двух первокурсников, учеников И.И.Мещерюка, в том числе доклад М.Н.Губогло «К вопросу о болгаро-гагаузских военных формированиях в войне 1806-1812 гг.». Все остальные участники, численностью до двухсот человек – студенты старших курсов.

Словом, предлагаемый читателям труд Н.Х.Туфар, посвящённый Комратской республике 1906 года, уходит своими корнями в юность автора, когда он, ещё студентом 1 курса заинтересовался не тривиальной прозой повседневной жизни, а экстремальными событиями, как важными фрагментами этнической истории народов Молдавии.

Замечательное качество и высокий посыл издаваемой повторно книги Н.Х.Туфара, состоит в том, что, опираясь на подлинники документы, он умело синтезировал реальные исторические события, факты и художественные образы, что придаёт тексту особую академичность и запоминающуюся увлекательность. Н.Х.Туфар – жизнелюб. Я это хорошо помню. С молодых

лет он любил жизнь во всех её формальных и неформальных проявлениях. Даже, казалось бы в скучном историографическом контексте, у него находится место для яркого образа. Ограничусь только одним примером. «Вводя в научный оборот документы различных правительственных учреждений, - пишет он, щедро одаривая обаянием и доброжелательностью своих предшественников по научному поиску, - авторы всегда помнили положение о том, что по дыму политической лжи можем догадываться об огне народного возмущения» (с. 10). Меня, романтика по жизни, не может не восхищать подобный образ, имплементированный в сухой серьёзный академический текст. Даже привиделась какая-то типологическая близость с текстами исторических романов Валентина Пикуля и Марка Алданова, и живописными этнологическими описами Льва Гумилёва, приправленными порой прекрасными художественными вымыслами.

Острый на язык Н.Х.Туфар незамедлительно «приклеивал» ярлыки-прозвища своим ровесникам. Стоило ему услышать, как я напеваю мелодию Радж Капура из кинофильма «Бродяга» или «Господин 420»: «Разодет я как картинка, в ярко-жёлтых ботинках, в русской шапке большой с Чадыр-Лунгской душой», как тут же Коля стал обращаться ко мне шутливым «муль-муль-тиня-ти, муль-муль-ти» на манер мелодии знаменитой песни Радж Капура, кумира советской молодёжи на рубеже далёких 1950-1960-х годов.

Неисчерпаемое чувство юмора, присущее Н.Х.Туфар, позволяет ему создавать свои тексты, обрамляя их широкими и эрудированными литературными ассоциациями. И снова, думая о личности Н.Х.Туфар – исследователя, преподавателя и полемика, я вспоминаю ответ В.В.Маяковского на недружественный выпад из зала: «ваши стихи не волнуют, не греют, не заражают». Находчивый поэт немедленно остроумно ответил: «Мои стихи не море, не печка и не чума».

Важнейший вклад и общественное значение исследования Н.Х.Туфар о Комратском восстании 1906 года, состоит в том, что социальный протест народа вписывается им в общий ход борьбы за свободу и самоопределение, и находится в одном типологическом ряду с бунтом гагаузов и болгар в 1861 году, когда

кумир нынешних румын и молдаван, один из создателей румынской государственности, отправил в Болград регулярные войска для подавления бунта; с протестным выступлением крестьян в июле 1899 года в селе Вулканешты; с Татарбунарским восстанием в 1924 году; с едва не разразившимся кровопролитием в пространстве между Комратом и Чимишлией, во время похода волонтеров (молдавских националистов-добровольцев) Мирча Друка на Гагаузию 25-30 октября 1990 года с целью пресечения попыток по созданию Гагаузской Автономной Республики.

На подавление Комратской республики, просуществовавшей со второй половины октября 1905 по 11 января 1906 года, были брошены два эскадрона регулярной армии совместно с губернскими, уездными, волостными и сельскими карательными силами полиции и жандармерии. В известном смысле Комратское восстание в толковании Н.Х.Туфар выступает одним из фрагментов формирующейся нации гагаузов, осмысление которого по убеждению автора «является неотложной задачей и выполнением интернационального долга исследователей, истинных патриотов своей страны» (с. 13-14).

Публикация монографии Н.Х.Туфар о Комратском восстании – это, конечно, не только ликвидация ещё одного «белого пятна» в многовековой истории гагаузов, хотя и этот сам по себе факт – многозначителен. Читатели поймут, что энергия, пробуждённая инициаторами и участниками Комратского восстания в самом начале XX века, как мост через бездну, вдохновила лидеров этнической мобилизации гагаузов в конце этого века на создание Гагаузской государственности. Гагаузам есть, кем гордиться! Н.Х.Туфар, как учёный, педагог и общественный деятель, занимает достойное место среди героев нашего времени. Дорогой юбиляр, прими поздравления поклонников твоего творчества.

В юбилейном издании, понятное дело, не принято отмечать погрешности и делать замечания. Однако юбилейная дата не исключает дружеских пожеланий, чтобы читатели смогли узнать из хроники подготовки и хода восстания роль русского языка и двуязычия в интеллектуальном вооружении и доктринальном оснащении лидеров восстания идеями деинфантилизации

и справедливости, принципами и нормами самоопределения ради сохранения прав, свобод и самобытности. Симпатизируя личности А.П.Галацана, как идейному вдохновителю Комратского восстания, Н.Х.Туфар пишет: «Личное обаяние, прекрасные ораторские качества, обширные энциклопедические знания, простота в обращении с людьми, знание гагаузского языка, умение подвергнуть уничтожающей критике государственного устройства, форму политического правления в России, политику царского правительства, обеспечивали А.П.Галацану возрастание его популярности среди здравомыслящих людей» (с. 23). Читателю остаётся только догадываться, что чтение революционной литературы и информационно-интеллектуальное обогащение происходило не только на гагаузском языке. Точно так же читателю дополнительно пошло бы на пользу сопровождение некоторых выводов автора публикацией отдельных положений из извлечённых документов, подобно тому, как это делает выдающийся молдавский исследователь болгарского происхождения И.Ф.Грек, публикацией архивных материалов, посвящённых, в частности, борьбе болгар и гагаузов за свободу самовыражения и самостоятельного жизнеобеспечения во время бунта в Болграде в 1861 году [См. «Забытые страницы истории Южной Бессарабии (1856-1861)», Составитель И.Ф.Грек, Отв.ред. П.М.Шорников, Кишинёв, 2012].

КОМРАТСКАЯ РЕСПУБЛИКА. 1906 ГОД.

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX века Россия вступила в высшую стадию развития капитализма - империализм. Переход к империализму не только не ликвидировал противоречия капитализма, присущие домополистической стадии его развития, а, наоборот, привел к крайнему обострению в стране социально-экономических противоречий между производительными силами и производственными отношениями, между рабочим классом и капиталистами, между крестьянством и помещиками, между господствующей верхушкой и трудящимися национальных окраин империи, между всеми демократическими слоями населения и диктатурой помещиков - самодержавием. Потребности экономического и политического развития страны, жизненные интересы трудящихся масс настоятельно требовали скорейшей ликвидации самодержавия, уничтожения феодально-крепостнических пережитков, свержение власти кучки богатеев и строительства общества, основанного на принципах социальной справедливости.

Решению этих насущных и неотложных задач общества были направлены усилия пролетариата России, крестьянства - активного союзника рабочего класса, трудящихся национальных окраин, средних городских слоев (демократическая интеллигенция, студенчество, ремесленники, различные категории служащих), которые активно поддерживали рабочий класс.

Россия, накануне надвигавшейся буржуазно-демократической революции, была крестьянской страной с сильными остатками крепостничества, предопределявшие кризис аграрной политики царизма. Поэтому главным вопросом революции являлся аграрный вопрос.

Острая нехватка земель у крестьян, их сословная и юридическая неполноправность, крайняя нищета превращали сельскую местность в очаг постоянного социального возбуждения,

чреватого мощным взрывом. От решения главного, аграрно-крестьянского вопроса революции, выросшего до масштабов общегосударственных, зависели не только судьбы почти стомиллионного крестьянского населения, но и основное направление развития всех сфер общественной жизни Российской империи, начиная от экономики и кончая сферой быта.

На огромных просторах окраин России, превращенные царизмом в полуколонии, и представлявшие собой тюрьмы народов для 57 процентного нерусского населения страны, социальный гнет тесно переплетался с национальным.

Абсолютное большинство - трудящихся слоев - национальных меньшинств страдало не только от своих местных эксплуататоров, но и от чиновников, помещиков, капиталистов. Происходивший по мере развития капитализма процесс формирования буржуазных наций сопровождался ростом национального самосознания, что приводило к обостренному восприятию угнетенными народами любых форм дискриминации и гнета. Поэтому национально-освободительная борьба угнетенных самодержавием народов стала составной частью буржуазно-демократической революции, важным резервом борьбы рабочего класса.

Революция 1905 - 1907 годов в России - первая народная революция эпохи империализма, открывшая период бурных политических потрясений и революционных битв трудящихся XX века.

В годы первой буржуазной революции в России трудящиеся использовали все формы классовой борьбы, начиная от самых простых и кончая самой острой формой, каким является вооруженное восстание. Среди крестьянских восстаний, имевших место в различных губерниях России, достойное место занимает Комратское восстание, приведшее к образованию республики в Комратской волости.

О событиях в Комрате в январе 1906 года упоминается в ряде работ по истории Молдавской ССР как обобщающего характера,¹ так и специально посвященных вопросу борьбы трудящихся за социальное освобождение². Опубликованы очерки о А. П. Галацане³ и П. Н. Николаеве, большая статья о Комрат-

ской республике С.С. Бантке⁴, воспоминания П.Н. Николаева⁵, обобщающая статья Н.Х. Туфара⁶. О тех героических днях написано в историческом романе «Узун керван» («Длинный караван»)⁷.

Однако специального исследования на основе широкого использования документального материала этого, по истине героического выступления трудящихся и образования в годы первой революции единственной республики в Бесарабии, хотя бы в виде брошюры и даже монографического издания до сих пор нет. Очевидно, такое положение было обусловлено рядом факторов, особенно чувствительно проявившимся в годы сталинщины и брежневского застоя и приведшим к крайне отрицательным последствиям, когда не только отдельные села и деревни, но также народы с небольшой численностью, объявлены были бесперспективными, как, например, случилось с гагаузской нацией. Но надо учитывать, что Комратское восстание и Комратская Республика - это результат революционной борьбы рабочих, крестьян, интеллигенции, учащейся молодежи не только гагаузского народа из Комрата, но и трудящихся других национальностей (русских, болгар, молдаван, поляков, украинцев) как самого Комрата, так и других населенных пунктов Комратской волости Бесарабии.

Сейчас все большее число не только профессиональных историков, но и рядовых граждан осознают острую необходимость отбросить мифы и вернуть народу правду о своем далеком и близком прошлом. Но на пути к реализации этой очень важной задачи встречаются огромные трудности, значительные препятствия, ибо их, этих последних, возводят те, кого статус-кво полностью устраивает.

Состоявшаяся в апреле 1988 года в Москве научная конференция историков и писателей еще раз констатировала крайне неблагоприятное положение в науке, которую древние мудрецы называли великой наставницей. Весьма красноречивым признанием глубокого кризиса исторической науки стала отмена в 1987/1988 учебном году экзамена по истории в средних школах.

Научное исследование причин, хода и последствий Комратского восстания и деятельности Комратской Республики состоит в том, что ликвидируется еще одно «белое пятно» в истории народов бывшего СССР. Политическая и практическая значимость состоит в том, что на примере совместной борьбы трудящихся разных национальностей можно провести патриотическое и интернациональное воспитание трудящихся.

Книга написана в основном на архивном материале, хранящемся в центральных, государственных, исторических, гражданских и военных архивах Кишинева, Киева, Москвы и Санкт-Петербурга, и впервые вводимом в научный оборот. Эти документы, составленные в начале XX века и отразившие общественные явления тех лет, представляют собой отчеты, телеграммы, донесения и представления различных инстанций административных и карательных органов, начиная от инстанций губернского масштаба и кончая сельскими.

Вводя в научный оборот документы различных правительственных учреждений, авторы всегда помнили положение о том, что по дыму полицейской лжи можем догадываться об огне народного возмущения.

Под влиянием как агитационно-пропагандистской работы большевиков и представителей других левых партий, так и революционных действий пролетариата в таких крупных экономических и культурно-политических центрах страны, как Москва. Санкт-Петербург и других, повсеместно в стране происходили революционные выступления рабочего класса, крестьянства, интеллигенции и учащейся молодежи. Происходили они и в Бессарабии. Здесь распространению революционных идей среди трудящихся особенно благоприятные условия были на юге и севере губернии, отмечал известный партийный и государственный деятель Молдавии Г. И. Старый: «Юг населен, - пишет он, - по преимуществу гагаузами, болгарами и немцами, север - украинцами. Население этих частей было более грамотно, более культурно»⁸.

В некоторых источниках, включая сюда и официальные документы различных инстанций гражданской и военной администрации, содержатся данные о кратковременности существо-

вания народной власти в Комратской волости: от 5 до 15 дней. Между тем углубленное изучение уже изданных документов, материалов, воспоминаний с привлечением новых, до сих пор неизвестных исследователям архивных данных, основываясь на объективные методы исследования о классовых битвах, с полным основанием можно поставить и научно решить очень важный научно-практический вопрос о продолжительности существования власти народа в Комратской волости.

Она установилась во второй половине октября 1905 года в ходе Всероссийской политической стачки и продолжалась до 11 января 1906 года, когда Комратская республика была разгромлена двумя эскадронами 24 Лубенского драгунского полка совместно с губернскими, уездными, волостными и сельскими карательными силами полиции и жандармерии.

Своеобразие политической жизни в Комратской волости было то, что здесь со второй половины октября 1905 года установилось двоевластие. Оно заключилось в том, что должностные лица царской местной волостной и сельской гражданской администрации, находясь на прежних своих постах, фактически не имели власти в своих руках, и, следовательно, не могли помешать нарастанию революционных действий населения как в самом Комрате, так и в волости. В то же время здесь существовала реальная, но неофициальная власть, находящаяся в руках представителей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции и учащейся молодежи Комратского реального училища, которые руководили революционными выступлениями трудящихся Комратской волости, и оказывавшие революционизирующее воздействие на борьбу трудового народа соседних волостей.

Официально же царская власть в Комратской волости была свергнута в ночь с 5 на 6 января 1906 года в результате вооруженного восстания народа. Была объявлена Комратская Республика, установлена революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в лице Комитета Комратской Республики. Первый этап революции - буржуазно-демократический - в Комратской волости закончился, начался переход ко

второму - пролетарскому - этапу революции, который был прерван 11 января 1906 года царскими войсками.

Восстановить наиболее полно хотя бы в самом обобщенном виде реальную картину январских, а точнее, более объективно если сказать, второй половины октября 1905 года - первой половины января 1906 года, событий очень трудно, а детальное и глубокое освещение их, пожалуй, даже невозможно. Это объясняет рядом обстоятельств, главным из которых - более чем скудная источниковедческая база событий тех дней. Особо большую потерю представляет отсутствие, как правило, первичных документов, и прежде всего протоколов допросов арестованных - самых активных участников революционных выступлений на этапе нарастания классовой борьбы, периода существования Комратской Республики и после ее поражения. Сюда необходимо добавить и отсутствие воспоминаний самих участников революционных событий. Кроме П. Н. Николаева, другие руководители классовых битв, в том числе и руководители Комратской Республики, не оставили свои воспоминания ни в рукописи, ни в опубликованном виде. Остается только надеяться на возможность расширения источниковедческой базы в будущем в результате поисков и обнаружения новых архивных документов.

Столь плачевное состояние разработанности истории даже периода самоотверженной борьбы за социальное и национальное освобождение одного из, пусть даже малочисленных, как принято писать и говорить у нас⁹, народов объясняется многими факторами, обстоятельствами, и, прежде всего тем, что как в науке, так и в общественной практике, был взят курс на свертывание исследований истории, в частности, народов, которые не имели национально-территориальной автономии ни в какой форме, хотя такие народы по численности могли превышать, иногда даже многократно, некоторых из тех народов, которые, воспользовавшись правом на национальное самоопределение еще в двадцатые годы XX в., создали свою государственность в форме автономной республики.

Но разве можно ставить в зависимость вопрос о необходимости написания, разработки истории народа от того, имеет ли

данный народ свою государственность? Несостоятельность такой постановки вопроса более чем очевидна была тогда, и тем более в наше время, когда происходит коренное обновление, охватившее все стороны общественной жизни, и оно, это обновление, ставит на повестку дня ликвидацию «белых пятен» в уже написанной истории народов нашей страны, а в нашем случае, ее написание.

Недопустимо лишать народ права разработки и изучения своей истории, ибо, прежде всего, это безнравственно, так как именно в своей истории каждый народ черпает знания о своем прошлом и таким образом, узнав о своем прошлом, о деяниях своих предков, понимает настоящее и может предвидеть будущее как своего народа, так и других народов, ибо исторический процесс народов мира включает в себя факты из истории всех народов мира, независимо от того, какова численность того или другого народа. И мимо еще одного обстоятельства не хотелось бы пройти: в наши дни особенно большое значение приобретает старая истина, которая в недалеком прошлом, да и ныне, хотя может быть в меньшей мере, кое кем игнорировалась: лучшее воспитание патриотизма и интернационализма у молодежи - это воспитание историей, на лучших, достойных подражания, примерах можно воспитать настоящих граждан страны, обладающих такими личностными качествами, ценностями, чертами, какими являются: трудолюбие, честность, правдивость, готовность сопереживать беды других, понимать боль другого человека.

Не разработанность многотысячелетней истории, а также крайняя отсталость развития гагаузского народа, в конце прошлого века согласно сведениям Всероссийской переписи 1897 года, например, по грамотности, опережавший многие народы Бессарабии, насчитывающего ныне много сотен тысяч человек, очевидно, представляет собой уникальное явление в истории цивилизованных государств. Выяснение как объективных и субъективных причин, приведших к такому состоянию народ, но всем признакам представляющий собой нацию, так и выработка и реализация в кратчайшие сроки (для этого есть все возможности) эффективных мер по ликвидации этой от-

сталости, является неотложной задачей в выполнении интернационального долга исследователей, истинных патриотов своей страны, настоящих гуманистов, независимо от национальной принадлежности.

Теоретическая необходимость и значение разработки мероприятий и путей их реализации для ликвидации отсталости предопределяется требованиями недопустимости повторения этого столь негативного и позорного явления в истории нашей многонациональной страны, случившегося в результате грубейших ошибок в проведении национальной политики в отношении к гагаузам со стороны руководства Молдавской ССР (иначе не понятно, почему были саботированы не только неоднократные, пусть даже незначительные и половинчатые решения республиканских органов, но и, например, даже Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 1 января 1949 года), в котором предусматривалось среди прочих мер, и открытия гагаузских школ.

Практическая же необходимость и значимость разработки и реализации мер по ликвидации отсталости гагаузского народа продиктована жизненным требованием преодоления в исторически возможно короткий срок безграмотности и нищеты.

НАКАНУНЕ

Во второй половине XVIII века и особенно в первой половине XIX века, по мере выселения царским правительством из юга Бессарабии ногайских татар, на освобождавшиеся земли, по приглашению России, переселялись в основном выходцы из Болгарии гагаузы и болгары, а так же немцы из Германии. Они были размещены в прежних местах обитания своих предшественников в подавляющем большинстве в трех уездах края: Аккерманском, Бендерском и Измаильском.

Между населением этих уездов, в первую очередь между гагаузами и болгарами, существовали, возникшие еще во время переселения и даже раньше, постоянные тесные связи. Поэтому любые явления общественной жизни в каком-либо из перечисленных уездов становилось известно в других уездах и

оказывало существенное влияние на устроение и соответствующие ему действия местного населения.

В конце XIX в. - начале XX в. на юге Бессарабии, как и на юге европейской части России в целом, в сельском хозяйстве производительные силы находились на более высоком уровне развитости, чем в других частях империи. Здесь капиталистические отношения в земледелии были более развиты, расслоение крестьянства зашло далеко, и соответственно классовая борьба в сельской местности была более острой и зрелой.

В летописи революционных событий юга Бессарабии - места компактного проживания гагаузов - последнего десятилетия XIX века, видное место занимает выступление крестьян в июле 1899 года в селе Вулканешты Измаильского уезда.

Как явствует из донесения от 10 июля 1899 временно исполняющего должность помощника начальника Бессарабского губернского жандармского управления в Измаильском и Аккерманском уездах департаменту полиции о волнении крестьян села Вулканешты, которые доведенные до отчаяния из-за жестокого неурожая в текущем году, 6 июля съехались в г. Болград и обратились с просьбой к члену Болградского земского комитета о выдаче следуемых им денег из Болградского банка.

Члены комитета в выдаче денег из Болградского банка крестьянам отказали на том основании, что якобы все деньги, принадлежавшие сельчанам из Вулканешт израсходованы ими же. После этого вулканештцы сильно взволновались, - как отмечено в документе, - и стали требовать деньги уже с такой настойчивостью, что члены комитета вынуждены были спастись бегством, оставив все на попечение исполняющей обязанности пристава г. Болграда фон Оглио. Последний, собрав всех городских, пожарных (последних даже с обозом и лошадьми), приказал разогнать собравшихся.

Но такая попытка встретила решительный отпор вулканештцев, которые не только остановили натиск карателей, но даже вынудили последних отступить. Их спасло то обстоятельство, что как раз в это время через Болград проходил кагульский отряд измаильской бригады пограничной стражи, к которому

фон Оглио и обратился с просьбой помочь городовым и пожарным в разгоне вулканештцев.

На что, обнажив шашки, нижние чины этой стражи под командованием унтер-офицера бросились на безоружных людей, которые в ужасе разбежались по всему городу, но некоторых догнали и били как шашками, так и нагайками. Побоище кончилось тем, что всего было арестовано 47 человек, из которых 35 человек были приговорены к тюремному заключению сроком от двух до трех месяцев каждый.¹⁰

Или возьмем другое выступление крестьян. Тоже связанное в определенной степени с неурожаем сельскохозяйственных культур. И тут крестьяне, с. Абаклия (Абаклыджаба) Бендсрского уезда, доведенные до отчаяния в результате взимания непомерных многочисленных налогов и засухи 1899 года, решительно потребовали от властей предоставления продовольственной и семенной ссуды. Самые активные крестьяне были привлечены к судебной ответственности при местном волостном суде и присуждены к пятидневному строгому аресту каждый при волостном правлении и к 5 ударам розгами.¹¹

В октябре 1900 года крестьяне предместья г. Измаила Кугурлуй оказали сопротивление местным жандармам, попытавшим помешать запашке городской земли.¹²

Выступления населения сельской местности были результатом пробудившегося самосознания трудовых слоев крестьянства. Они явились результатом тяжелого экономического гнета царского правительства, непосильных налогов и голода, истощения земли, которую нечем было засеять, нечем обработать, не было ни семян, ни сельскохозяйственных орудий, ни скота, ибо нечем было кормить его. Члены семей разорившихся, а также разоряющихся и маломощных крестьянских хозяйств влачили жалкое существование, их постоянным уделом был голод. Результатами их труда, политым потом и кровью, жили помещики, капиталисты и чиновники.

К непомерному гнету светской власти, добавлялись бесконечные злоупотребления служителей культа в селах юга Бессарабии. Даже в конфиденциальной переписке должностных лиц различных инстанций содержатся многочисленные сведения

об этом. Так, начальник Бессарабского губернского жандармского управления в донесении от 14 апреля 1903 года на имя директора Российского Департамента полиции вынужден был писать о жалобе крестьян на поведение сельского духовенства к местному населению: в селе Утконосовка (Йордек бурну) Измаильского уезда местный священник при покупке земли у односельчан не платил полную стоимость земли, отказывался оформлять завещание на движимое и недвижимое имущество, или не выполнял церковные обряды при похоронах, если не платили ему вознаграждение в требуемых размерах, как это случилась, например, в селе Ченак Бендерского уезда¹³.

Все чаще стали прибегать к физической силе крестьяне при охране результатов своего труда. В этом отношении определенный интерес представляет случай в селе Татар-Баурчи Бендерского уезда. Как явствует из донесения унтер-офицера жандармского пункта местечка Леово помощнику начальника Бессарабского губернского жандармского управления в г. Измаиле, Измаильском, Аккерманском и Бендерском уездах, крестьянами села Татар-Баурчи был избит пристав при попытке изъять у них урожай. Это произошло при следующих обстоятельствах:

«В 1897 году общество с. Татар-Баурчи купило имение Татар-Баурчи, состоящее из 2152 десятин земли от землевладелицы Софии Богдановной Фельц-Файн, и дало ей задаток по два рубля за каждую десятину. Названное имение Фельц-Файн приобрела покупкой от Герасима Григорьевича Романенко, который в то время судился за названное имение с Софией Фельц-Файн. По этому Фельц-Файн не могла выдать поселянам, купившим имение, купчую крепость, а сделала запродажную запись во владение впредь до окончания суда с Романенко, и поселяне разделили между собой по 7,5 десятин земли на душу, которой пользовались без никакой платы 2 года, а когда Фельц-Файн кончила суд с Романенко, то поселяне по совету Герасима Романенко от покупки имения отказались, но разделенную ими землю засевали по настоящее время и давали помещице димжу, а затем помещица Фельц-Файн предъявила

к поселянам, состоящим в списке покупателей названного имения, иск за пользования ими имения 2 года бесплатно»¹⁴.

В 1897 и 1898 годах и 25 апреля 1903 года Кишиневский окружной суд приговорил, чтобы все произрастающие посевы тех поселян с. Татар-Баурчи на имении Фельц-Файн, которые состояли в списке покупателей названного имения, поступили бы в пользу помещицы Фельц-Файн. Такой приговор окружного суда был объявлен поселянам судебным приставом Тимоотином, но поселяне, несмотря на объявление судебным приставом приговора Окружного суда, стали убирать поспевший к уборке посеянный ими ячмень. Но управляющий имением Фельц-Файн Альбин Быгир подал об этом телеграмму господину Бессарабскому губернатору, по распоряжению которого 21 июня в с. Татар-Баурчи приехал пристав 3-го стана Измаильского уезда г-н Наперальский. В то время управляющий имением Альбин Быгир послал своих рабочих, с подводами забирать, скошенный поселянами их ячмень, и когда рабочие стали накладывать на подводы ячмень, то жители с. Татар-Баурчи собрались со всего селения - мужчины, женщины, отобрали у экономических рабочих вилы и стали их бить по чем попало. На драку приехал пристав Наперальский, который стал уговаривать бунтующих, приказал им разойтись, но они набросились и на пристава...¹⁵»

И это выступление крестьян юга Бессарабии закончилось суровым наказанием. Многие были отданы под суд, а хлеб с полей крестьян присудили помещице Фельц-Файн.

Выступления крестьян имели место повсюду в Бессарабии. Повсеместно они жестоко подавлялись по указанию царского правительства ставленниками на местах, используя многообразные средства. Репрессивный аппарат решал задачу предотвращения новых революционных выступлений, которые могли бы принять общесессарабские масштабы. Центральные государственные органы в своих многочисленных циркулярах предписывали бессарабскому губернатору действовать незамедлительно и решительно, всех руководителей и зачинщиков выступлений немедленно арестовать, при подавлении кре-

стьянских волнений применять «против мятежников вооруженные силы без каких-либо колебаний¹⁶».

В то же время центральное правительство, губернское начальство понимали, что кроме репрессивных мер насущно необходимы хотя бы незначительные послабления в отношении крестьян. Кое-что они предприняли в этом направлении. Так, например, местные власти обратились к царскому правительству с просьбой приостановить взыскания с крестьян государственных, земских налогов и повинностей. Получив разрешение, управляющий Бессарабской казенной палаты распорядился временно задержать взыскание таковых с некоторых сел Бендерского и некоторых других уездов. Эти уступки - результат активных действий крестьян в период наивысшего подъема революции. Исполняющий должность бессарабского губернатора телеграфировал министру финансов: «В целях предотвращения развития аграрного движения совершенно необходимо осуществление нескольких покупок крестьянами владельческих земель в каждом уезде при посредстве Крестьянского банка до наступления весны, чтобы укрепить в населении веру в реальность предначертанных мер и умалить влияние пропаганды, стремящейся их дискредитировать. Такие ходатайства возбудили уездные земства губернии... Мэру эту считаю высшей важности и усердно прошу не отказать, в нашем содействии к проведению се к исполнению».¹⁷ И эта просьба была удовлетворена.

После поражения декабрьского 1905 года, вооруженного восстания в Москве революционная энергия не иссякла. Крестьяне продолжали неуклонно бороться против самодержавия. Поэтому царизм вновь вынужден был лавировать. Булыгинскую думу, сметенную Октябрьской всероссийской стачкой, заменил манифест 17 октября, в котором Николай II лицемерно обещал народу «незыблемые основы гражданской свободы» и созыв законодательной Государственной думы. Правительство опубликовало закон о выборах в I Государственную думу и принялось проводить его в жизнь, чтобы расколоть революционные силы, оттолкнуть крестьян от революции и успокоить буржуазную общественность. Это был очередной маневр.

Дума служила вполне подходящим прикрытием сделки буржуазии с самодержавием. Однако перечисленными мерами успокоить крестьянство не удалось.

Особенно широкий размах получило крестьянское движение в декабре 1905 - январе 1906 года в Комратской волости, где оно в январе 1906 года переросло и в восстание, которое по оценке известного молдавского историка Ю. Г. Иванова занимает особое место в революционном движении крестьянства и всех трудящихся юга Бессарабии.

ВОССТАНИЕ

Поводом для начала вооруженного восстания, как явствует из секретного донесения помощника начальника Бессарабского губернского жандармского управления /БГЖУ/ в Бельцком, Хотинском, Сорокском и Оргеевском уездах от 17 января 1906 года ротмистра Скальковского, послужил арест в ночь с 5 на 6 января в городе Комрат Бендерского уезда по распоряжению Одесской судебной палаты, «возбуждавший население к аграрно- революционному движению студента Харьковского технологического института из местных уроженцев Андрея Галацана.»¹⁸

Обстоятельства сразу же приняли сложный характер. «На следующий день, - читаем дальше в этом донесении, - 6 января тысячная толпа комратских обывателей, возбужденных оповещением сообщников Галацана об аресте агитатора, задержала местных пристава Мовилло, урядника Чеканчи, обезоружила и доставила их в сельское правление, где подвергли побоям палками и заарестовала их в помещении сельской кордегардии.»¹⁹

В то же день восставшие потребовали от губернатора Бессарабии освобождения А.П. Галацана. «В то же время, - содержатся сведения в этом документе, - начальнику губернии были посланы из Комрата две телеграммы в дерзкой форме с требованием немедленного освобождения Галацана».²⁰ Одну из телеграмм подписали Г.А. Георгиев, И. Михайлов, активные

участники подготовки и проведения вооруженного восстания, а другая была послана от имени сельского общества и подписана исполняющим должности старшины Комрата Кара».²¹

Естественно, внушительная по численности гражданская администрация и карательные силы жандармерии и полиции Бесарабии, подкрепленные несколькими полками Одесского военного округа, не думали удовлетворять требования восставших. «Сразу по получении сообщения о народном восстании в Комрате, - как отмечается в одном из документов карательных органов провинции, - к месту происшествия 7 января отбыл вице-губернатор, судебные власти и командирован один эскадрон Лубенского драгунского полка»²².

Надо отметить, что посланные из Кишинева для расправы с восставшими карательные силы вместе с уездной жандармерией из Бендер готовились вести осаду Комрата по всем правилам военной стратегии и тактики. Для этого еще задолго до прибытия из Кишинева вице-губернатора велась постоянная работа по добыче разведывательных данных о численности восставших, о их вооружении и настроении.

Сразу же по прибытию на железнодорожную станцию города Бендеры, помощник начальника БГЖУ Скальковский получил от уездных жандармов и доложил вице-губернатору первые сведения о настроении комратцев, прежде всего, планы руководителей Комратской Республики, «давшие указания, - как сказано в докладной, адресованной в Кишинев, - на готовность обывателей оказать сопротивление при исполнении властями тех функций, которые будут сопряжены с арестами виновных».²³

Последнее обстоятельство, очевидно, допускалось руководством повстанцев в случае захвата карательными силами Комрата и свидетельствует о том, что Комитет Комратской Республики знал неплохо численность, вооружение и возможности правительственных войск и карательных сил полиции и жандармерии. Допускался такой оборот событий, наступление таких обстоятельств, когда даже захват Комрата силами подавления не означал еще сложение полномочий Комитета, поражение восстания и Республики, а удержание власти в сво-

их руках, а значит и возможности контроля за ситуацией если не во всей Комратской волости, то хотя бы в границах самого Комрата.

Вот почему, когда правительственным войскам и жандармским подразделениям удалось пройти баррикады, возведенные на пути предполагаемого продвижения врага к селу, и проникнуть в село, то на его - улицах не прозвучало ни одного выстрела, и, как докладывали в Кишинев жандармские чины, «... население же, собравшись значительными массами, преимущественно женщин, по пути следования к волостному правлению войска и вице-губернатора, не дало повода к применению репрессивных мер».²⁴

Сразу после захвата Комрата немедленным административным расследованием вице-губернатора и одновременно предпринятой жандармскими чинами разведкой с целью установления основных причин, вызвавших события 6 января, руководителей и виновных в непосредственном применении насилия над чинами полиции и ареста их, был собран значительный материал, позволяющий приоткрыть завесу и заглянуть на обстоятельства, предшествовавшие началу вооруженного восстания 6 января, а также на действия восставших.

Бывший студент Харьковского технологического института А.П. Галацан после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года «...взял на себя инициативу, - отмечено в докладе жандармского чина, - толкования его пунктов применительно к земельным нуждам обывателей и с этой целью организовывал митинги, помещением для которых служило 2-х классное училище, с ведома заведующего им Ивана Болфосова, причем правила извещения полиции не соблюдались».²⁵

Большое место в агитационно-пропагандистской работе А.П. Галацана занимал земельный вопрос, который, пожалуй, прежде всего интересовал крестьян.

«По мере роста авторитета Галацана, - подчеркивается в секретном донесении жандармского чина о событиях в Комрате, предшествовавшим восстанию, - знавшего гагаузский язык на котором говорит большая часть населения болгарского происхождения,²⁶ так называемые гагаузы, толкование Ма-

нифеста приняло явно преступный характер, когда оратором вселялось убеждение о возможности получить по 50 десятин земли на каждого обывателя прирезкой ее из церковного надела и экспроприацией у Комратского помещика Цанко-Кыльчика, владевшего площадью до 28 000 десятин.»²⁷

Не проходил также А.П. Галацан, впрочем, как и его соратники, мимо вопросов политической борьбы. И здесь он пользовался положениями официального документа - царского Манифеста от 17 октября 1905 года. «В то же время, - читаем в документах карательных органов, - опираясь на Манифест, Галацан успешно дискредитировал представителей власти, а себя выставлял как уполномоченного «царского посланца» осуществить высказанную мысль землеустройства».²⁸

С каждым днем, с каждым выступлением А.П. Галацан укреплял свой авторитет среди трудового населения не только Комрата, но и других населенных пунктов волости и даже соседних волостей, таких, как Чимишлия и Чадыр-Лунга. Накануне ареста «население поголовно верило Галацану, - вынуждены признать огорчительный факт чины губернской жандармерии, - и по показаниям свидетелей, считали его «своим богом»».²⁹

Личное обаяние, прекрасные ораторские качества, обширные энциклопедические знания, простота в обращении с людьми, знание гагаузского языка, умение подвергать уничтожающей критике государственного устройства, форму политического правления в России, политику царского правительства, обеспечивали А.П. Галацану возрастание его популярности среди здравомыслящих людей, истинных борцов за народное счастье. К деятельности А.П. Галацана не замедлили примкнуть студент Харьковского технологического института Иван Афанасьевич Георгиев, молодые учителя местного реального училища Сигизмунд Филярский и Максим Коломейцев, упомянутый выше директор 2-х классного училища Иван Болфосов и сыновья последнего - бывшие воспитанники реального училища Михаил и Федор Болфосовы.

«Упомянутые лица во главе с Галацаном, - как стало известно карательным органом после тщательного расследования, -

организовали таким образом местную группу интеллигентов в целях аграрно-революционной пропаганды, осуществляемой на тех же митингах, где члены кружка, не исключая и молодых Болфосовых, выступали ораторами, в речах которых порицалось правительство, подрывался авторитет местных властей, а население возбуждалось к насильственным захватам частновладельческой и церковной земельной собственности».³⁰

Непременно надо поставить в заслугу Галацана и его соратников и то, что им, еще задолго до официального ареста представителей волостной и коммунальной власти, удалось завладеть положением, если не по всей волости, то в Комрате точно, и тем самым нейтрализовать представителей официальной власти. Только в таких условиях можно было беспрепятственно пропагандировать на митингах, устраивать по селу ночные шествия А. Галацану, С. Филярскому и М. Коломейцеву с воспитанниками местного реального училища с пением революционных песен.³¹

Вышесказанное подтверждается и другими фактами, подчерпнутыми из документов жандармерии Бессарабии о революционной деятельности А.П. Галацана и его верных соратников до решительных действий в Комрате 6 января 1906 года. Так, в донесении от 17 января 1906 года жандармского чина начальнику Бессарабского губернского жандармского управления отмечается, что «указанные лица, находясь в тесном взаимодействии, достигли первых реальных результатов 18 декабря, когда сельское общество особым приговором на сходе постановило отобрать церковную землю на том основании, что «...бывшая источником вознаграждения земля в настоящее время является незаконной субсидией со стороны общества - коренного его собственника».³²

Попытка же местных волостных инстанций аннулировать решения сельского схода от 18 декабря было встречено крайне враждебно: «Кассирование приговора местным земским начальником и указание его на незаконность совершаемого акта было принято населением как знак враждебного отношения власти к ставшим жгучими под воздействием пропаганды Галацана» и его соратников «аграрным интересам, хотя данный

район по количеству наделов, от 6 до 12 десятин на семью и запасным капиталом, находится в особо благоприятных условиях».³³

Или возьмем другой пример, зафиксированный в тех же документах жандармских инстанций: «24 декабря на митинге в том же 2-х классном училище народная масса руководилась главарями (читай: борцами за народное счастье - Н.Т.) - ответила свистом па требование пристава и исправника распустить собрание, как незаконное, а земскому начальнику было выражено порицание».³⁴

По мере возрастания авторитета и укрепления своих позиций среди трудового народа Комрата, А.П. Галацан и его единомышленники усиливали политическую работу в других селах волости. «Одновременно велась агитация в соседних селах Кирсова и Дезгинже в пользу побуждения обывателей принять программу Всероссийского Крестьянского Союза и присоединиться к нему,³⁵ - засвидетельствована революционная работа борцов за народное счастье в одном из донесений жандармов.

Причем, в названных селах, как и в других, проводили агитационно-пропагандистскую работу среди трудовых слоев сельского населения специально закрепленные революционеры. Среди них выделялись Н.В. Сырбу (он же Хаджи), С. Гениш и С.Э. Шурик. Первые два имели при себе прокламации различного содержания, которые интересовали крестьян в то время, а чаще всего прокламации под заглавием «Чего хотят люди, которые ходят под красным флагом» и «Подписной лист» для сбора подписей в удостоверении принадлежности к Всероссийскому Крестьянскому Союзу.³⁶ Помимо политической работы среди населения, ближайшие соратники А.П. Галацана С. Филярский, М. Коломейцев, студент И.А. Георгиев и М.И. Болфосов при ближайшем содействии жителей Комрата - Михаила, Федора и Георгия Табакарсы и Н.Н. Левтера ночью 5 января вслед за арестом Галацана, первыми приступили к его розыску, причем, одни вламывались в квартиру урядника, другие - к старшине Койчеву и приставу с настоятельным требованием дать сведения о судьбе Галацана. Оповещение ими населения об исчезновении и даже возможном убийстве, дали

толчок к решительным действиям возбужденных масс людей, собравшихся 6 января в количестве более I тысячи человек в центре Комрата.³⁷

В донесении от 17 января 1906 года в Кишинев одного из жандармских начальников отмечено, что «те же интеллигенты, когда чины полиции, избитые и обезоруженные, были уже заперты в кордегардии, а в толпе раздавались голоса «убить их», в присутственной комнате сельского управления чинили допрос приставу и уряднику, принудив первого подписать рапорт по начальству о благополучии и дать слово не указать виновных. Обязанности секретаря исполнил Михаил Болфософ.³⁸

Характерным является тот факт, что при допросе чинов местной администрации и карательных органов присутствовал временно исполняющий должность волостного старшины Иван Кара, «обнаружившего не только бездействие власти, - как отмечено в донесении жандармских инстанций, - но явно принимавшего участие в беспорядках предложением держать пристава под арестом, как заложника, обеспечивающего освобождение Галацана, требование о чем телеграфно послал начальнику губернии».³⁹

За такую нерешительность в служебных делах Кара был арестован в административном порядке и «подлежит передаче в распоряжение судебной власти», - записано в донесении от 17 января 1906 года, адресованном начальнику БГЖУ.⁴⁰

В донесении от 17 января 1906 года тому же адресату содержатся сведения, которые свидетельствуют не только о большой оперативности карательных сил в добывании разведывательных данных о восставших, но также о четко разработанных Комитетом Комратской Республики планах по защите своей власти. «Результаты дальнейшего расследования и форсированной разводки в течение первого дня пребывания в Комрате дали свидетельский материал, указавший, что события 6 января имели признаки вооруженного восстания против властей, правительством установленных, и, что население подготовлено к сопротивлению в случае изъятия виновных, для какой цели, по показанию старшины Койчева, лица вполне

благонадежного и других свидетелей, село разделено на участки, обыватели вооружены ружьями и револьверами, и установлена особая сигнализация для планомерности в действиях».⁴¹

Из этого же документа явствует, что буквально на второй же день, то есть 9 января, по прибытии в Комрат карательных сил (один эскадрон Лубенского полка и значительные силы жандармерии Бессарабии) удалось выяснить зачинщиков и виновных в аресте чинов полиции, покушение на разгром дома старшины Койчева и избииении некоторых обывателей, «пытавшихся доказать преступность поведения толпы заподозренных в содействии по задержанию накануне Галацана».⁴²

Все эти лица, насчитывавшие 49 человек, а также выше-названные представители интеллигенции - близкие соратники Галацана были взяты на учет.

На основании собранных на них улик, каратели планировали привлечь к следствию на основании 263 ст. Уложения о наказаниях. Но с реализацией намерения вынуждены были повременить «ввиду серьезности положения и могущих возникнуть осложнений при выполнении арестов и производстве обысков в домах, где, по сведениям, имелось оружие, вице-губернатором было сделано распоряжение о командировании в Комрат второго эскадрона».⁴³

Вот почему, со стороны вице-губернатора 9 января на сельском сходе, после продолжительных объяснений комратчанам об антизаконности их действий 6 января была сделана попытка припугнуть насильно согнанных людей в центр села и добиться при помощи многочисленных угроз суровой кары, которая их ждет впереди, добровольного указания зачинщиков и руководителей восстания и Комратской Республики и сдать оружие, «требование исполнено не было».⁴⁴

В тот же день вице-губернатор попросил прислать второй эскадрон и только после его прибытия 11 января, а также тщательной предварительной подготовки были арестованы все представители интеллигенции - самых близких людей А.П. Галацана, а на следующий день - 47 человек, признанных карателями виновными в активном участии в революционных действиях 6 и 7 января 1906 года.⁴⁵

Тогда же, 12 января, вице-губернатор ездил в Кирсово, где арестовал местного активного революционера С.Э. Шурика, а 13 числа посетил село Дезгинже, где были арестованы два местных жителя - агитатора - Н.Е. Сырбу и С. Гениш. Все арестованные были отправлены в Кишиневский тюрьму.⁴⁶

Каратели, получив пополнение, в течение двух дней, организовали массовый обыск в домах, в том числе и у местного аптекаря, где, по сведениям, хранились взрывчатые вещества. В селе было отобрано 200 ружей и револьверов.⁴⁷

И только обезоружив восставших и убедившись, что в селе нет больше оружия, каратели решились 13 января уже второй раз насильно собрать сельский сход при Комратском сельском правлении, угрожая нагайками, огнестрельным и холодным оружием, 860 человек и заставили признать справедливость текста, ранее составленного протокола, в котором главными виновниками восстания назывались учителя местного реального училища и студенты.⁴⁸

После ареста наиболее активно проявивших себя революционеров в Комратском восстании, а также руководителей Комратской Республики, революционная борьба против самодержавия не прекращалась хотя и пошла на спад. Порядок в Комратской волости не был восстановлен в такой мере, какой хотели чины бессарабской администрации. Они вынуждены были и после 13 января 1906 года оставить на некоторое время военные силы в Комрате. Об этом свидетельствуют данные, содержащиеся в докладной бессарабского губернатора 18 января 1906 года министру внутренних дел России: «По восстановлению порядка вице-губернатор возвратился в Кишинев, оставив в Комрате до 17 января один из эскадронов. Получив от местного земского начальника 10 января телеграмму о том, что родственники арестованных собираются бить тех, кто давал правдивые показания, и что при таких условиях грозит опасность и полиции, я распорядился задержать в Комрате полуэскадрон на некоторое время, впредь до введения сельской стражи, по плану распределения которой Комрат мною намечен как стоянка для полуэскадрона конной стражи».⁴⁹

Были наказаны не только революционеры, но и блюстители порядка, которые допустили развитие событий в Комрате до восстания. Как докладывал губернатор Бессарабии министру внутренних дел России, Бендерскому исправнику, виновному в том, что он своевременно не уследил за революционным процессом, «... мною предложено подать в отставку. Становой пристав в Комрате за допущенную им слабость отстранен от должности..., а урядник... за бездеятельность уволен от службы». ⁵⁰

Заключенные в Кишиневскую тюрьму, лишь только на основе предварительного следствия, фактически на начальной стадии дознания, комратские революционеры, арестованные в январские дни по горячим следам подавленного восстания и недлительного существования Комратской Республики, томились в застенках царской охраны без дальнейшего следствия и суда много месяцев и испытывали на себе тяжелую участь политического заключенного и государственного преступника.

Узники неоднократно прибегали к различным формам сопротивления, протеста. Наконец им удалось заставить царских блюстителей, служителей законности отступить и, таким образом, оказаться на свободе. Это случилось 15 апреля 1906 года, ⁵¹ когда под натиском непрерывных требований протеста томившихся узников, поддержки, оказываемой последним со стороны заключенных, насчитывающих более 400 человек, царская фемида уступила и ворота Кишиневской тюрьмы открылись.

По поводу этого столь счастливого случая для комратских революционеров численностью в 58 человек, а одновременно неприятного момента в деятельности судебных органов Бессарабии, а также Одесской судебной палаты, развернулась широкая конфиденциальная переписка между различными инстанциями царских блюстителей порядка, включая и министерство внутренних дел России, в том числе самого министра - Столыпина, ⁵² а также министерство юстиции в лице директора первого департамента. ⁵³

26 апреля 1906 года, как стало известно департаменту полиции об освобождении заключенных по комратскому делу, последовала телеграмма прокурору Одесской судебной палаты

о том, что Кишиневский окружной суд «по-видимому, под давлением революционной прессы всех задержанных освободил, вопреки заключению прокурора суда и с просьбой содействия к отмене этого решения суда, «нарушающего интересы общественной безопасности».⁵⁴

Однако, не так уж легко было вернуть недавно освобожденных из под стражи в тюремные застенки. Поэтому даже требование самого министра внутренних дел Столыпина не было выполнено. Этому помешала, прежде всего, сама обстановка в Бессарабии. Как отмечается в телеграмме губернатора провинции на имя министра внутренних дел Столыпина 21 апреля 1906 года, «... я лишен возможности немедленно парализовать могущие возникнуть неблагоприятные последствия, потому что в интересах авторитета правительственной власти я нахожусь возможным действовать наперекор суду, тем более, что наделавшая шум вся история с голодовкой и освобождением не дает никакой возможности административно арестовать освобожденных, не вызывая специальных волнений и беспорядков на благодатной для революционных кругов почве...»⁵⁵

Об этих же возможных последствиях «...если придется кого-либо из обвиняемых вновь брать под стражу, то это вызовет большие осложнения и серьезные неминуемые беспорядки, как в селе Комрате, так и в тюрьме, в которую обвиняемые будут заключены»⁵⁶ - писал прокурор Кишиневского окружного суда прокурору Одесской судебной палаты 3 мая 1906 года. Хотя, как было уже сказано выше, вначале прокурор окружного суда был против решения окружного суда об освобождении из-под стражи комратских революционеров.⁵⁷

Однако, даже вышеприведенные столь веские аргументы бессарабских инстанций не возымели нужного воздействия на представителей Одессы и Петербурга. Вот почему Одесская судебная палата, которой подчинялся Кишиневский окружной суд, решила прикомандировать в Кишинев товарища прокурора Одесской судебной палаты для детального выяснения обстоятельств, вынудивших Кишиневский окружной суд при-

нять решение попреки мнению прокурора об освобождении заключенных, и даже немедленно реализовать его.⁵⁸

Вот что писал после тщательного изучения обстоятельств освобождения комратцев из Кишиневской тюрьмы товарищ прокурора Одесской судебной палаты своему непосредственному начальнику 5 мая 1906 года: «...по делу этому (комратскому - Н.Т.) содержалось под стражей в Кишиневской тюрьме свыше 50 человек обвиняемых, причем последние около 15 апреля объявили голодовку, настойчиво требуя освобождения из-под стражи. При этом к голодовке вслед за тем присоединились несколько политических арестантов, и, по словам прокурора, готовились присоединиться и все вообще арестанты, числом до 400...»⁵⁹

Как видно, обстановка была накалена до предела, и вряд ли кто-либо из тюремной администрации и окружного суда из Кишинева осмелился предугадать хотя бы приблизительно, во что могло вылиться столь напряженное отношение между комратчанами и поддерживающими их еще 400 заключенными, с одной стороны, и карательными силами, с другой. «При таких обстоятельствах, читаем в вышеуказанном уже документе, 18 апреля в окружной суд поступило общее прошение всех обвиняемых по названному (комратскому) делу об освобождении их из-под стражи, а также прошение обвиняемого Галацана с просьбой о том же и с приложением медицинского свидетельства, из которого было видно, что дальнейшее его содержание под стражей опасно для его здоровья».⁶⁰

Причем, царские власти выпустили из тюрьмы спустя более 3 месяцев комратских революционеров, зная заранее, что они, прибыв домой, будут заниматься, революционной деятельностью, как и до ареста в январские дни: «...Суд освободил из-под стражи заведомых революционеров, - читаем дальше в письме товарища прокурора Одесской судебной палаты прокурору этой палаты, - которые после освобождения могут устроить новые беспорядки в селе Комрате. В этом именно смысле высказывался лично мне и бессарабский вице-губернатор Кноль, с которым я беседовал по этому поводу... При этом Кноль выражал категорическое мнение о том, чтобы вновь

были возможно скорее арестованы обвиняемые Галацан, Филарский, Болфосов и два сына последнего...»⁶¹

Итак, репрессивные силы под давлением обстоятельств были вынуждены освободить из Кишиневской тюрьмы все 58 человек, арестованных за активное участие в Комратском восстании, которое началось 6 января 1906 года, и привело к образованию Комратской Республики - единственной в Бессарабии в годы первой буржуазно-демократической революции в России.

И, как было уже отмечено выше, революционная борьба в Комрате и волости не прекратилась одновременно с подавлением восстания и республики в Комрате. После освобождения самих активных революционеров, борьба за социальное и национальное освобождение приняла более широкий размах. Об этом пойдет речь во второй части, данной работы.

НА ПУТИ К 6 ИЮНЯ 1906 ГОДА.

Среди активных революционеров были Г.К. Георгиев и И.К. Поркграс. Им удалось избежать ареста в январские дни 1906 года. Об их революционной работе среди комратчан и трудящихся других сел волости сохранились сведения в документах карательных органов. Так, в отправленном прокурору Одесской судебной палаты представлении, которое составлено на основе материалов первоначального дознания, прокурором Кишиневского окружного суда от 18 марта 1906 года подчеркивается, что «поселяне села Комрат Георгий Константинович Георгиев (Драгни) и Иван Кириллович Поркграс в течение января месяца с. г. вели пропаганду среди крестьян того же села, а 22 февраля в том же селе на сельском сходе они подстрекали к ниспровержению существующего государственного строя и к неповиновению закону и распоряжению властей».⁶² И, что «они 25 февраля были задержаны Бендерским уездным исправником и заключены под стражу в бендерскую тюрьму».⁶³

Дальнейшее дознание выявило новые революционные действия обвиняемых. Так, например, они «...на всех сельских сходах... откровенно обвиняли правительство за арест Галаца-

на и других участников в беспорядках,⁶⁴ бывших 6 января с.г. в селе Комрат, убеждая при этом поселян, что арестованных следует освободить, так как они правы, а виновато само начальство...»⁶⁵

Заключенных Г.К. Георгиева и И.К. Поркграса, впрочем, как и других революционеров долго держали в тюрьме под следствием без суда. В тяжелейших условиях тюрьмы революционеры вели борьбу. В своем обращении к начальнику Бессарабского губернского жандармского управления они писали: «...мы продолжаем оставаться в тюрьме как политические преступники, по обвинению нас в такой наглой лжи, в которой могли возбудить против нас только комратские деятели. Ввиду того, что мы не имеем сведения о настоящем положении дел, как люди, занимающиеся сельскими произведениями, да при том обремененные многочисленными малыми детьми ...просим распорядиться разрешением нашей участи с применением меры пресечения уклоняться от следствия и суда другим способом, как-то: отдача под надзор полиции или же освобождение на поручительство...»

Вышеприведенный факт борьбы наряду с многочисленными другими действиями заключенных и, прежде всего, категорический отказ признать вину, предъявляемую следствием, вынудили соответствующие инстанции смягчить первоначальную вину и продолжить дознание. Так, 8 мая 1906 года прокурор Кишиневского окружного суда докладывал уже начальнику Бессарабского губернского жандармского управления, подчеркивая, что «дознанием не установлено, чтобы Георгиев и Поркграс произносили публичные речи или читали какие-либо сочинения, возбуждающие к ниспровержению существующего строя или неповиновению закону, или распоряжению власти, а установлена лишь в общих чертах виновность их в подстрекательстве поселян к неповиновению распоряжений местных властей и неисполнению их требований».⁶⁶

«Ввиду того, - как отмечено далее в документе, - возвращая подлинное производство, имею честь просить... сделать распоряжение о дополнении дознания в следующем:

1. Допросом свидетелей установить, в каких именно конкретных фактах выразилось подстрекательство крестьян к неповиновению властям и факты эти проверить.

2. Выяснить, не состояли ли все эти лица членами крестьянского или какого-либо противоправительственного союза, и не находится ли подстрекательство Георгиевым и Поркграсом крестьян в связи с принадлежностью к какому-либо из упомянутых союзов.

3. По выяснению всех этих обстоятельств обсудить вопрос о привлечении Георгиева и Поркграса по 124 или 125 ст. Уголовного уложения.

4. Ввиду того, что против Георгиева и Поркграса не имеется достаточно улик, прошу заменить принятую против них меру пресечения менее строгой и не соединенной с лишением свободы)». ⁶⁷

И действительно, 15 мая 1906 года отважные борцы за социальное и национальное освобождение были выпущены из бендерской тюрьмы. Об этом сообщается в рапорте начальника бендерской тюрьмы 15 мая 1906 года прокурору Одесской судебной палаты: «Содержащиеся во вверенной мне тюрьме поселяне с. Комрата Георгий Константинович Георгиев и Иван Кириллович Поркграс, согласно отношения начальника Бессарабского губернского жандармского управления от 15 мая с.г. освобождены из-под стражи под надзор полиции⁶⁸ и возвращены по месту жительства.⁶⁹ Вряд ли истинной причиной выпуска на свободу является «неимение достаточных улик». Скорее всего, причиной была нехватка мест в тюрьме и уверенность чинов полиции, что подследственных можно в любое время вернуть в тюрьму. Иначе не было бы смысла продолжать расследование по делу освобожденных, о чем становится известно из представления от 18 мая 1906 года прокурора Кишиневского окружного суда Одесской судебной палате, где отмечено, что «дознание возвращено для дополнения начальнику жандармского управления Бессарабии».⁷⁰

Особый надзор полиции над выпущенными из тюрьмы Г.К. Георгиевым и И.К. Поркграсом проводился четко. И время от времени полицейские чины низшего ранга докладывали

по инстанциям. Так, например, 30 июля 1906 года помощник начальника Бессарабского губернского жандармского управления на пограничном пункте в г. Рени докладывал начальнику: «Доношу, что дознание по обвинению поселян села Комрат Бендерского уезда Г.К. Георгисва и И.К. Поркграса в преступлении, предусмотренном ст.129 угол. Улож. мною закончено... Согласно требования прокурора от 8 мая с.г, ...при дополнительном допросе свидетелей оказалось, что хотя означенные обвиняемые Георгиев и Поркграс изобличены свидетельскими показаниями в подстрекательстве поселян к насильственному отчуждению принадлежащей духовенству земли, в пользу запасных нижних чинов и к неповиновению властям, но тем не менее видно, что все эти обвинения свидетелями раздуты, при том же, как видно из показаний некоторых свидетелей, обвиняемые считали земли духовенства общественной и поэтому позволяли себе подговаривать поселян к передаче этой земли запасным нижним чинам. Что же касается вопроса принадлежности Георгиева и Поркграса к какой-либо из противоправительственных партий, то они ни в коем случае ни в коей из партий или обществ не принадлежат.

Несмотря на то, что Георгиев и Поркграс просидели в тюрьме, первоначальная мера пресечения, как предусматривала, в горячую пору для крестьян - посев хлеба - благодаря чему им с семьями угрожает полная голодовка, они по выходе из тюрьмы ведут себя скромно, не вмешиваясь ни в какие общественные дела». Но уже спустя несколько месяцев, 26 августа 1906 года та же инстанция, то есть прокурор Кишиневского окружного суда в своем представлении на имя начальника Бессарабского губернского жандармского управления уведомляла, что «Рассмотрев, произведенное в порядке 1035 ст. Уголовного Уложения дознание по обвинению поселян Георгия Георгиева и Ивана Поркграса в государственном преступлении, я нашел, что основанием для привлечения названных лиц к делу в качестве обвиняемых по 129 ст. Угол. Улож. послужили показания свидетелей Георгия Койчева, Ивана Жекова и других, которые при допросе на дознании охарактеризовали предварительно Георгия Георгиева и Ивана Поркграса как людей неблагонадежных

и вообще вздорных, критикующих постоянно действия правительства и побуждающих местных поселян к неповиновению властям. Затем свидетели указали в виде примера на следующие факты, в коих выразилось, по их мнению, противоправительственная пропаганда обвиняемых: 22 января, по словам упомянутых свидетелей, Георгиев и Поркграс, присутствуя на сельском сходе, убеждали поселян не избирать новых учетчиков до тех пор, пока не возвратятся в село арестованные за участие в беспорядках поселяне Галацан и Михайлов, которым только и можно доверить такое важное общественное дело, а 17 февраля те же, явившись в сельское управление, где в то время производился учет общественных сумм стали требовать прекращения учета на том основании, что учетчик Койчев избран неправильно и, таким образом, труд учетчиков, ввиду невозможности отмены выборов, окажется бесполезным. Независимо сего, по показаниям свидетелей Василия Сербинова, Николая Танасова и других, Георгиев и Поркграс на сельских сходах убеждали поселян отобрать от духовенства принадлежавшую обществу землю и разделить ее между запасными нижними чинами, возвратившимися с Дальнего Востока.

Допрошенные на дознании обвиняемые Георгиев и Поркграс не признали себя виновными, причем Георгиев между прочим объявил, что он как доверенный общества, действительно требовал удаления из числа учетчиков Койчева, как не избранного сельским сходом. О необходимости отобрания земли у духовенства он, обвиняемый, никому не говорил, а лишь посоветовал поселянам купить землю у духовенства и наделить земель безземельных солдат, вернувшихся с войны, что впоследствии общество и выполнило, раздав нижним чинам по две десятины земли на каждого.

Сообразив изложенное и приняв во внимание, что обвиняемые Георгиев и Поркграс в революционной пропаганде ничем по делу не доказано, так как те конкретные факты, на которые и была сделана свидетелями ссылки, отдельно взятые, не заключают в себе признаков преступления, указанного в с.129 130 угол. Устава на основании 1035 ст. У.У.С. прошу... представить настоящее дознание Бессарабскому губернатору для внесения

в губернское совещание на предмет прекращения уголовного преследования поселян Георгия Константиновича Георгиева, 33 лет и Ивана Кирилловича Поркграса, 34 лет за совершенной недостаточностью собранных улик, с отменой принятой по отношению их мер пресечения - особого надзора полиции». ⁷¹

Помощник начальника БГЖУ на пограничном пункте в г. Рени ходатайствовал 30 августа 1906 года перед Бессарабским губернатором: «Прошу распоряжения о назначении времени для заслушания этого дела (дела Георгиева и Поркграса - Н.Т.), в Бессарабском губернском совещании», о решении которого мы узнаем из сообщения от 10 октября 1906 года временно исполняющего должность начальника Бессарабского губернского жандармского управления Бендерскому уездному исправнику: «Прошу распоряжения Вашего Объявления проживающим в Комрате, состоящим под особым надзором полиции Г.К. Георгиеву и И.К. Поркграсу, что произведенное при вверенном мне управлении дознание по обвинению их в государственном преступлении, постановлением Бессарабского губернского совещания, - уголовное преследование вышеназванных лиц за совершенной недостаточностью улик, - дальнейшим производством прекращено, с отменой принятой прежде против них меры пресечения особого надзора полиции... сделать распоряжение об отмене учрежденного за ними особого надзора полиции». ⁷²

Как видно из только что цитированного документа, с революционеров Г.К. Георгиева и И.К. Поркграса было снято даже наказание «особого надзора полиции», несмотря на то, что в начале дознания их обвиняли в серьезных государственных преступлениях, наказуемых каторжной работой сроком до 8 лет. По-видимому, одним из решающих факторов полного оправдания двух из числа наиболее активных революционеров, подготовивших Комратское восстание и участвовавших в нем, но избежавших ареста в январские дни, является то, что карательные органы считали их менее опасными для существующих порядков.

Выпущенные из тюрьмы в мае 1906 года революционеры, прибыв, домой в Комрат и в села волости в своем большинстве

не только не прекратили политическую борьбу и работу среди населения, а, наоборот, еще больше усилили ее. Правда, сейчас условия для революционной деятельности были намного сложнее, чем до январских событий в Комрате. Известно, что как чины полиции, так и жандармские силы вели постоянный негласный и строгий надзор за каждым, выпущенным из тюрьмы. Местные власти стремились узнать подробно, чем занимаются революционеры, что говорят они, с кем встречаются. Короче, полиция и жандармерия Комратской волости, стражники самого Комрата, а также полуэскадрона конной стражи при помощи многочисленных сыщиков и доносчиков решали задачу избежать повторения январских событий. Этого можно было добиться при условии тщательной слежки за действиями освобожденных из тюрьмы революционеров, а в случае необходимости изолировать от трудящихся, то есть опять упрятать их в тюрьму. Тем более, что против освобождения из тюрьмы выступали чины из полиции и судебные инстанции, начиная от прокурора Кишиневского окружного суда и кончая министром внутренних дел Столыпиным.

Вот что сказано в донесении от 5 июня 1906 года унтер-офицера Бендерского жандармского пункта помощнику начальника ВГЖУ о руководителях Комратского восстания Андрее Галацане, Георгие Георгиеве и других: «С представлением настоящей переписки доношу, что по полученным мною негласным путем сведениям, действительно, что в с.Комрате Бендерского уезда являются главарями комратских беспорядков речь идет о Комратском восстании - Н.Т./ Андрей Павлович Галацан, студент Иван Георгиев, учитель народного училища Иван Васильевич Болфосов с сыновьями Михаилом и Федором Болфосовыми.

А в особенности, Галацан ведет самую широкую агитацию среди местного населения, призывая к открытому восстанию. Он ходит по домам поселян и во время базарной ярмарки собирает народ и агитирует и разъясняет им, что надо быть готовыми к восстанию, чтобы расшатать основы государственного строя и ни в чем не повиноваться высшим начальствам. А так-

же Галацан подстрекает народ, чтобы произвел беспорядки в с. Комрат.

Это могут лично подтвердить и обстоятельно доказать учителя реального училища Петр Данилович Драган, Павел Дмитриевич Васильев, местный священник... комратский волостной старшина Егор Егорович Койчев и Петр Афанасьевич Занет.

При этом докладываю..., 28 июня в с.Комрат побили окна директору реального училища Ивану Андреевичу Искре. Подозрение падает на Михаила и Федора Болфосовых. Так как они прогнаны из училища, то они питают злобу на директора, но утвердительно никто не может доказать, что именно они побили».

Прежде всего, особенно тщательная слежка была установлена за лидером комратских революционеров. А. Галацаном, которого чины карательных органов не без основания считали бесстрашным поборником решительных действий против власти имущих и крупных земельных собственников. Вот почему неслучайным является тот факт, что именно он оказался раньше всех из 58 бывших узников Кишиневской тюрьмы вновь арестованным и помещенным в тюремный застенки.

А вот еще одно секретное донесение от 13 июля 1906 года помощника начальника БГЖУ о необходимости командировать в с. Комрат 2 унтер-офицера для предотвращения крестьянских волнений: «По полученным мною агентурным путем сведениям в с. Комрате и прилегающих к нему селам и деревням Бендерского уезда под влиянием преступной агитации и пропаганды студента Андрея Галацана крестьяне крайне тревожно настроены к стремлению провести аграрные беспорядки в самых больших размерах.

Докладывая об изложенном, испрашиваю указания, не будет ли признано возможным командировать в с. Комрат по меньшей мере 2 жандармских унтер-офицера за дальностью расстояния Комрата от Бендер и ввиду малочисленности их не могут в достаточной мере обслуживать эту серьезную часть уезда.»

Решение о вторичном аресте А.П. Галацана в Бессарабском губернском жандармском управлении было принято 16 июля 1906 года, то есть примерно через три месяца после того, как он вышел на свободу после первого ареста. И это несмотря на то, что при обыске ничего компрометирующего не было найдено. Согласно выдвинутому обвинению, ему грозила кара: ссылка на поселение или же каторжные работы сроком на 8 лет.

Основанием к возбуждению дознания, к которому приступили судебные органы 19 августа 1906 года, послужили сообщенные начальнику Бессарабского жандармского управления Бендерским уездным исправником сведения о том, что «названный Галацан ведет в селе Комрате среди местных крестьян противоправительственную агитацию и пропаганду о необходимости вооруженного восстания в случае не наделения крестьян бесплатно помещичьими землями или роспуска Государственной Думы». ⁷³

На Галацана было возбуждено дело в г. Рени 21 августа 1906 года, а первый допрос состоялся 23 августа. В докладной помощника начальника БГЖУ Будакова от 25 августа 1906 года сказано, что Галацан «заключен под стражу в Бендерскую тюрьму». ⁷⁴

По документам карательных органов явствует, что А.П. Галацан был арестован и заключен в бендерскую тюрьму. Об этом, в частности, ставил в известность начальник Кишиневского жандармского управления помощник начальника БГЖУ подполковник Будаков телеграммой от 23 августа 1906 года: «Галацан постановлением арестован, отправлен сегодня в бендерскую тюрьму». Об этом же, но подробнее, докладывал тот же полицейский чин уже самому начальнику БГЖУ 26 августа 1906 года: «...состоящий под негласным наблюдением житель села Комрат Бендерского уезда Андрей Павлович Галацан 23 августа подполковником Булдаковым арестован и направлен под конвоем в бендерскую тюрьму».

Несколько дней спустя, 30 августа 1906 года помощник начальника БГЖУ сообщал своему непосредственному начальнику, как он действовал после того, как получил приказ аре-

ствовать А.П. Галацана. «Получил приказ 21 августа, 22 августа выехал из г. Рени в Комрат, куда прибыл в 6 часов вечера того же числа и в 7 часов вечера выехал в с. Бешалма (15 верст от Комрата) для допроса свидетелей по делу Галацана, возвратился в Комрат в 5 часов утра 23 августа. В 8 часов утра отправился производить дополнительное дознание по делу комратских поселян Георгиева и Поркграса и продолжал эту работу с перерывом на обед до 9 часов вечера того же числа. С 9 часов вечера и до 3 часов ночи возился с допросами и отправкой в бендерскую тюрьму Андрея Галацана, того же 24 числа с 8 часов утра допрашивал свидетелей по заявлению Галацана, того же 24 числа в 11 часов ночи выехал обратно в г. Рени, куда прибыл в 12 часов 30 минут дня 25 августа. Приехав, домой, взялся за работу по двум вышеназванным дознаниям».⁷⁵

Как видно из только что приведенного документа, нелегко приходилось чинам репрессивных органов. Но каково было их бесправным жертвам! И все же страстное желание самим освободиться и других вызволить из оков самодержавия придавало сил бесстрашным борцам за счастье народа. Опять начались томительные дни ожидания приговора в тяжелейших условиях тюремного заключения. Карательные силы Бессарабии опять занялись тщательнейшим образом выяснением малейших нарушений общественного порядка А.П. Галацаном на одной из окраин царской России для того, чтобы на как можно больший срок упрятать подальше от людского глаза одного из самых ярких революционеров в крае в годы первой буржуазно-демократической революции. Однако, как свидетельствуют документы, 12 сентября 1906 года А.П. Галацан снова на свободе. В этот день он был освобожден из-под стражи и переведен в распоряжение Бендерского уездного исправника.

Дознание по обвинению А.П. Галацана продолжались и после 12 сентября, и прекратились несколько дней спустя. Об этом отмечается в докладной от 19 сентября 1906 года помощника начальника БГЖУ: «Галацан освобожден из-под стражи 12 сентября 1906 года и передан уездному Бендерскому исправнику для выдворения последнего в г. Харьков под особый надзор полиции».⁷⁶

15 сентября он был выслан из Бендер. На новое место поселения комратский революционер прибыл 7 октября 1906 года.

Факты свидетельствуют, что А.П. Галацан, находясь в Харькове даже под особо строгим надзором полиции, не порывал связи с родным краем. Он неоднократно выезжал в Комрат, используя для этого малейшие обстоятельства, способствовавшие свиданию с родной матерью и близкими родичами. Так, одним из поводов приезда в Комрат послужила болезнь матери. При этом особый надзор постоянно действовал. Каждый приезд в Бессарабию, а так же отъезд в Харьков, или поведение революционера в Комрате фиксировалось и докладывалось в соответствующие инстанции.

Так, 23 октября 1906 года БГЖУ получило сообщение, посланное 25 октября из Харькова, что Галацан выбыл в с. Комрат для свидания с больной матерью. В Комрат он прибыл 30 октября, а 18 ноября выехал обратно в Харьков.⁷⁷

Во время пребывания в Комрате особый надзор полиции за А.П. Галацаном не прекращался. Местные ищейки следили за каждым его шагом.

30 ноября 1906 года начальник БГЖУ в адрес бендерского исправника писал: «Предлагаю с получением сего немедленно установить при содействии местных органов полиции наблюдение за прибытием в с. Комрат названного лица (речь идет о Галацане - Н.Т.). По получении же сведения о его прибытии, немедленно при содействии чинов местной полиции установить требуемое тщательное за этим лицом секретное наблюдение, об исполнении чего немедленно же мне донести с добавлением следующих, сведений: а) о времени прибытия; б) с кем прибыл; в) где поселился; г) какие приискал занятия; какие имеет средства к жизни; д) с кем поселился совместно из родных или знакомых; ж) имена, отчества, фамилии, возраст, звание и общественное положение этих лиц».⁷⁸ И далее:

«Кроме вышеназванных действий, предлагаю также и впоследствии своевременно и безотлагательно доносить о всем замеченном за названным лицом, за его сношениями, знакомствами, и о времени обратного возвращения из этой отлучки».⁷⁹

«В деле же осуществления, - содержатся указания в этом документе, - требуемого сим наблюдения за названным лицом, предлагая войти с местным бендерским уездным исправником путем их личных переговоров или письменных сношений об оказании чинам местной полиции должного содействия, о сообщении Вам вышеупомянутых сведений о времени прибытия, месте поселения и о времени каждой отлучки и возвращении названного лица, а также о всех сведениях, перечисленных выше в полицейском протоколе, которые сделаются известными чинам полиции.

В заключении повторяю, что кроме предписываемых сим действий, следует по отношению названного здесь лица исполнять в точности также и все указания в моем циркулярном предписании от 9 февраля 1905 года за №684.»⁸⁰

Надо отметить бесспорное конспиративное мастерство А.П. Галацана. Наверняка ему удалось, находясь у матери в Комрате встретиться с нужными людьми, выяснить досконально обстановку на месте. И все это осталось незамеченным полицейскими чинами и их многочисленными помощниками.

Вот почему в докладной, адресованной начальнику БГЖУ от 16 декабря 1906 года сообщается: «Прибывший 30 октября из г. Харькова в с. Комрат Андрей Павлович Галацан большую часть времени проводил у себя дома, избегая, по-видимому, сношений с окружающими и 12 ноября с.г. выехал обратно в Харьков».⁸¹ Такого же содержания сообщение было отправлено 18 ноября начальнику Харьковского губернского жандармского управления.⁸²

Несмотря на то, что А.П. Галацан был освобожден из тюрьмы и находился под строгим надзором полиции, уголовное преследование продолжалось. Оно проводилось Кишиневским окружным судом и Одесской судебной палатой. Уже после 12 сентября, когда А.П. Галацан находился на свободе, было завершено дознание в Кишиневе и представлено в Одессу (18 октября) в «Проекте обвинительного акта и заключения о прекращении уголовного преследования вместе с подлинным производством в двух томах по делу об Андрее Галацане, Ни-

колае Сырбу и Степане Шурике, обвиняемых в государственном преступлении».⁸³

Однако, ходатайство Кишиневского окружного суда было отклонено Одесской судебной палатой по отношению к А.П. Галацану». В «Определении» от 9 октября 1906 года Одесской судебной палатой отмечается:

«1. Уголовное преследование поселян Николая Елизаровича Сырбу, 35 лет, Степана Эммануиловича Шурика, 28 лет по настоящему делу за недостаточностью улик дальнейшим производством прекратить;

2. Принятую меру пресечения - поручительство в 300 руб, за каждого отменить;

3. Следствие по отношению обвиняемого Андрея Галацана дать дальнейшее направление, согласно выводам предлагаемого при сем обвинительного акта».⁸⁴

И только 20 февраля 1907 года Одесская судебная палата наконец рассмотрела с участием сословных представителей в г. Кишиневе дело студента-технолога Андрея Павловича Галацана и вынесла приговор к заключению в крепость на полтора года.⁸⁵

Текст приговора гласил: «Подсудимый Галацан признан виновным в том, что в селе Комрате - Бендерского уезда в декабре 1905 года и в январе 1906 года на публичных собраниях, происходивших в здании народного училища и на площади под открытым небом, и, кроме того, в мае 1906 года в непубличных беседах с поселянами Комрата и окрестных сел возбуждал слушателей к неповиновению закону, убеждая, между прочим, поселян отказать от уплаты выкупных платежей, а равно и к ниспровержению существующего в России общественного строя, призывая в целях достижения такого переворота в государстве, к насильственному захвату для равномерного распределения между собой земель, принадлежащих частным лицам, причем означенное возбуждение поселян в непубличных с ними беседах угрожало опасностью государственному спокойствию...»

СОБЫТИЯ 6 ИЮНЯ 1906 ГОДА

Нарастающий поток тревожной информации в вышестоящие инстанции о нарушениях предписаний местных властей населением Комратской волости сопровождался настоятельным требованием жалующихся, занимающих различные ступени служебной лестницы полицейской и гражданской волостной администрации, увеличить численность карательных сил. При помощи карательных сил можно было усилить репрессии в отношении самых активных революционеров и лиц, недавно выпущенных из Кишиневской тюрьмы - бывших руководителей Комратского восстания и Комратской Республики. Последовавшее за этим ужесточение карательных сил и мер, не только не привело к снижению революционной активности трудовых слоев сельского населения, но, наоборот, способствовало повышению накала классовой борьбы, приведшего к событиям в Комрате 6 июня 1906 года. Событие совершенно случайно раскрывшее, - как сказано в «Обвинительном акте от 27 января 1907 года по непосредственным участникам события 1906 года 6 июня»,⁸⁶ - подпольную деятельность местного революционно-го сообщества.

В этом документе далее сказано, что «около пяти часов в усадьбе сельской жительницы Домники Маджар, в нежилом флигеле произошел оглушительный взрыв, который был услышан далеко от места происшествия и привлек внимание не только соседей, но и проживающих в противоположном конце села».⁸⁷

Когда на место события явились чины местной полиции, выяснилось, что и названном флигеле взорвалась бомба во время ее изготовления. Сила взрыва была настолько велика, что стены и потолок в одной из комнат дома оказались поврежденными, окно совершенно вышибленным. Следы разрушения заметны были в соседней комнате. Осколки, какими начинена была бомба, разлетелись при взрыве на большое расстояние и один из них найден был вонзившимся в заборе, находящимся на расстоянии около 30 метров от флигеля. В комнате, где изготовлялась бомба, оказались тяжелораненые силой взрыва сын домохозяйки, уча-

щийся местного реального училища, Дмитрий Маджар и слесарь Александр Карнович, служивший в мастерской местного жителя известного революционера Павла Николаевича Николаева.⁸⁸

Оставив Д. Маджара и А. Карновича на излечении в больнице, местные полицейские немедленно приняли меры к задержанию остальных изготовителей взрывного устройства, но оказалось, что из числа лиц, с которыми Д. Маджар и А. Карнович находились в особенно близких отношениях, Вячеслав Шпиркан, Павел Николаев и Федор Болфосов успели скрыться из Комрата. Причем П. Николаеву удалось бежать за границу.⁸⁹

При обыске, произведенных у вышеназванных лиц, в ретиреде квартиры Шпиркана была обнаружена граната, и разные революционные издания: брошюра В. Либкнехта «Пауки и мухи», около 50 экземпляров воззвания под заголовком «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом», гектографированное воззвание без заглавия, с эпиграфом «В борьбе обретишь ты право свое».⁹⁰

В этом последнем воззвании, автор, обращаясь к крестьянам говорит: «Довольно страданий, пора истребить ненавистную народу полицию. Смерть этим палачам-грабителям. Всюду русский трудовой народ восстал против полиции, опричников министров, чиновников, казнокрадов и грабителей русского трудового народа».⁹¹

Осуждая далее правительство, которое постоянно старается скрыть правду от крестьян и ссылаясь в виде примера на Комратское восстание в январе 1906 года, когда «за правду» был арестован Андрей Галацан, воззвание призывает крестьян присоединиться к Всероссийскому Крестьянскому Союзу и требовать созыва Учредительного собрания. Кроме вышеназванных книг у В. Шпиркана найдено было подписанное им письмо на имя книжного магазина «Наша жизнь», в котором он просит выслать ему разные революционные издания: 100 экземпляров брошюры «Пауки и мухи», 30 экземпляров брошюры «Что такое социализм», 5 экземпляров воззвания «Протокол Учредительного Съезда Всероссийского Крестьянского Союза» и другие. В конце письма автор добавляет, что если в продаже не окажется

каких-либо из указанных им изданий, то недостающие книги могут быть заменены другими «подходящими для чтения среди крестьян».⁹²

Вышеприведенный материал свидетельствует о большой идейно-политической работе В. Шпиркана и других комратских революционеров среди крестьян села Комрат и других населенных пунктов волости.

Продолжая дальнейшие розыски, в целях задержания остальных членов запрещенной организации, полицейские вскоре выяснили, что Федор Болфосов в день взрыва выехал из Комрата в село Чимишлию Бендерского уезда. И хотя телеграмма с требованием арестовать Ф.Болфосова была послана в Чимишлию, однако он успел бесследно скрыться, оставив на повозке, на которой привез из Комрата свой чемодан, в котором оказались материалы для начинки взрывного устройства.

Из материалов расследования видно, что у того же Болфосова в январе 1906 года был произведен полицейский обыск, причем в комнате, которую он занимал, найдены были разные революционные издания: печатные брошюры под заглавием «Эх, пора бы, братцы, взяться вам за ум», изданной партией социалистов-революционеров; гектографированная брошюра под названием «Крестьянский съезд», изданной Кишиневской группой той же партии; воззвание от главного комитета «Всероссийского Крестьянского Союза» заглавием, «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом», перепечатанное названной выше группой, и два воззвания: одно под заглавием «Крестьянские съезды», а другое без заглавия, изданные также кишиневской группой партии социалистов-революционеров. В брошюре «Крестьянские съезды» Крестьянский Союз партии социалистов-революционеров, касаясь вопроса об аграрном терроре, говорит, что «Крестьянский Союз» не вводит этого террора в программу своей деятельности, хотя и считает, что в некоторых случаях проявление аграрного террора делается неизбежным, в виду необузданной эксплуатации земледельцев. При этом под террором понимается насилие над земледельцами их служащими и повреждения их имущества, вытекающие из земельных отношений к ним. Кроме того, «Кре-

стьянский Союз» признает необходимым «не останавливаться перед насилием над людьми во всех тех случаях, когда оно является охраной движения против насилия и надругательства начальствующих лиц, против предательства и провокации».⁹³

Чины полиции не ограничивались только тщательным наблюдением за неблагонадежными в политическом отношении лицами, но и производили время от времени обыски в квартирах подозреваемых лиц. Так, они 17 августа произвели обыск в Комрате в квартире, в которой проживали учащиеся местного реального училища Юлиан Грон и Викентий Желеховский» Здесь было обнаружено несколько писем, проливающих свет на события 6 июня. Особенного внимания заслуживали два письма от 8 и 20 июня, за подписью учащегося Комратского реального училища Сигизмунда Штрауса, отправленные по почте из Жмеринки в деревню Лукашово, Киевской губернии на имя Желеховского. В первом письме автор сообщает, что, по отъезде из Комрата Желеховского, там из кружка революционеров образовался комитет. Члены этого комитета, по словам автора письма, работали неплохо: похитили несколько ружей, по улицам разбрасывали прокламации и, наконец, попытались изготовить взрывчатое устройство. «Федя Болфосов и другие, - продолжает автор письма, - как более всех понимающие в этом деле, начали в доме Маджара готовить все нужное. Бомба была уже почти готова. Федя уехал в Кишинев, другие же 5 числа оставили кончать бомбу Маджара и Сашку (Л. Карнович -Н.Т.). товарища Павла Николаева. Те по неопытности что-то сделали и бомба взорвалась».⁹⁴

На взрыв, как видно из письма первыми прибежали Павел Николаев и еще несколько человек, которые подобрали осколки и спрятали все, что смогли. Сообщая далее, что бомбу хотели бросить в училище и что в день взрыва некоторые из числа членов Комитета бежали, кто куда мог, автор заканчивает письмо словами укора в адрес тех, которые допустили взрыва бомбы в доме Домникии Маджар и тем самым сорвали намеченное мероприятие.⁹⁵

Во втором письме тот же автор извиняется, что выбрал В. Шпиркана и других и заявляет, что лично ему ничего не извест-

но по этому поводу, но Ткач, Потапов и другие винят именно их.⁹⁶

В письме за подписью «Мани», отправленном из Комрата 25 июня на имя того же Желеховского в деревне Лукашово, сообщается о том, что в Комрат приезжал Ткач, прожил там только два дня, но из дому не выходил, так как боялся, чтобы его не арестовала полиция. В последующем изложении автор говорит, что, по словам Ткача, В.Шпиркан и П. Николаев находятся за границей и вскоре выезжают в Австрию.⁹⁷

Кроме упомянутых писем, при обыске найдена была брошюра Льва Толстого «Неужели это так надо», к которой приложена печать «Комратской группы социалистов-революционеров».⁹⁸

18 июня скрывшийся за границу Павел Николаев, прислал из Румынии в Комрат на имя своего родственника письмо, в котором сообщал о себе разные сведения, пишет: «Я скоро буду в Комрате или Одессе. Скоро будет вооруженное восстание и мой долг быть там, где мои братья. Я принесу много горя тем, кто пьет нашу кровь... хотел бы знать, что говорят в Комрате. Скоро узнаете что мы ничего плохого не делали. Страшно давит мне в грудь горе, то горе, которое вкоренилось в русском народе, скоро и мы увидим зарю новых дней...»⁹⁹

25 июня в земской больнице, где находился на лечении Д. Маджар, стражником Муравским найдено было под его подушкой не законченное письмо, в котором Маджар сообщал подробности взрыва бомбы: «6 июня, - сообщает он, - явились ко мне товарищи с различными химическими элементами и стали готовить бомбу. Это им удалось сделать: к пяти часам она была даже готова. Ученики разошлись, оставался в комнате только молодой парень-слесарь и что-то еще приделывал к бомбе, винт что ли, не знаю, а потом... я вошел в комнату и бомба взорвалась, ранив нас обоих...»¹⁰⁰

Изложенные обстоятельства по делу взрыва бомбы в Комрате были удостоверены на предварительном следствии результатами экспертизы и осмотра вещественных доказательств, а также показаниями свидетелей Я. В. Сергеева, М.А. Майданюка и других.

Вследствие этого Д. Маджар, А. Карнович, Ф. Болфосов В. Шпиркан и П. Николаев привлечены были к следствию в качестве обвиняемых в изготовлении взрывчатого снаряда, а также в принадлежности к организации, поставившему себе целью ниспровержения существующего в России общественного строя.

Из числа названных лиц, последние трое, как сказано выше, скрылись и не были разысканы долгое время. Что же касается Д. Маджара и А. Карновича, то оба они, будучи допрошены на следствии, не признали себя виновными и объяснили: Маджар - что 6 июня, утром, отправляясь в училище на экзамен, он встретил в своей усадьбе П. Николаева, Ф. Болфосова и А. Карновича. Из них первый нес в руках металлический цилиндр, а второй - бумажные мешочки.

Лица эти на вопрос его заметили, что идут в пустой флигель. Не имея времени подробно расспросить их о цели прихода, он поспешил на экзамен и возвратился домой часов около трех дня. Зайдя во флигель, он нашел там Карновича и Николаева, которые, разведя в печи огонь, что-то паяли. Не сомневаясь, что здесь совершается преступление, но в то же время боясь путем расспросов сделаться их соучастником, он предпочел остаться в неведении и уйти из дому в село. Возвратившись к пяти часам в флигель, он застал здесь одного лишь Карновича, но не успел войти в хату, как произошел оглушительный взрыв. С названными лицами Д. Маджар, хотя и был знаком, но в близких отношениях не состоял.¹⁰¹

А. Карнович же показал, что 6 июня рано утром пришел бывший реалист В. Шпиркан и предложил ему работу за особое вознаграждение, причем объяснил, что работа должна заключаться в изготовлении бомбы. Взяв с собой инструмент, он вместе с В. Шпирканом и присутствовавшим при разговоре П. Николаевым, отправился в дом Д. Маджара, где в нежилом флигеле застал Ф. Болфосова. Здесь Ф. Болфосов дал ему чертеж снаряда и приказал изготовить внутренние части для готового уже цилиндра. Он вместе с Ф. Болфосовым принялся за работу, но когда бомба была уже снаряжена и оставалось только припаять крышку, от неизвестной причины произошел взрыв, ранив-

ший его и вошедшего в комнату незадолго до этого Д. Маджара. Ф. Болфосов же ушел незадолго до взрыва.¹⁰²

Во время работы флигель посещали В. Шпиркан и П. Николаев.

Допрошенный вторично Карнович А. изменил несколько прежнее показание и объяснил, что приступая к работе, он не знал, что имеет дело с взрывчатым снарядом и догадался об этом лишь впоследствии, когда заканчивал работу, отказаться от которой уже не мог, так как боялся мести со стороны В. Шпиркана и других.¹⁰³

В заключении Одесской судебной палаты с участием словесных представителей, составленным 27 января 1907 года содержатся меры наказания Д. Маджара и А. Карновича; «... Воспитанник Комратского реального училища, уроженец села Комрат Д.И. Маджар, 19 лет и сын почетного гражданина А.С. Карнович, 22 года, обвиняются, во-первых, в том, что проживая в 1906 году в Комрате, приняли участие в запрещенной организации, присвоившим себе наименование «Комратской группы социалистов-революционеров» и поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в империи общественного строя, а также совершение убийств должностных лиц местного реального училища и других учреждений, посредством разрывных снарядов, причем сообщество это заведомо для них имело в своем распоряжении средства для взрыва, и, во-вторых, в том, что в то же селе изготовляли, без надлежащего разрешения, взрывчатый снаряд, остатки которого после взрыва найдены были чинами полиции в нежилом флигеле усадьбы Д. Маджара, причем это преступное деяние было учинено ими с противной государственной безопасности и общественному спокойствию целью...»¹⁰⁴ За выдвинутые обвинения полагалась каторга сроком до 8 лет или ссылка на поселение. Последнее наказание постигло Д. Маджара и А. Карновича.

Более ста лет прошло с тех пор, как в Российской империи началась первая буржуазно-демократическая революция, призванная сметать с пути общественного прогресса царское самодержавие и другие остатки феодального строя. В революционных битвах участвовали эксплуатируемые и униженные всей

России. В их рядах находились трудящиеся Бессарабии. В южной ее части в начале января 1906 года борьба достигла наивысшего накала, когда произошло Комратское вооруженное восстание и объявлена Комратская Республика. Как восстание, так и последовавшая за этим Комратская Республика были подавлены регулярными войсками и значительными силами Бессарабского губернского жандармского управления. Однако борьба против царского самодержавия продолжалась все годы революции.

Власти сурово наказали участников Комратского восстания и руководителей Комратской Республики. Царский суд приговорил несколько десятков человек к тюремному заключению на самые различные сроки, в частности, А.П. Галацан был заключен в крепость на один год и 6 месяцев, многие сосланы на каторжные работы в далекую Сибирь и среди них П.Н. Николаев - на 5 лет и 4 месяца.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Комратская Республика 1906 года послужила мощной побудительной силой в развертывании борьбы за национальное и социальное освобождение в Бессарабской губернии, позже произошли хотинское (январь, 1919г.), Бендерское (май, 1919 г.) и Татарбунарское (сентябрь, 1924г.) восстания.

Образование 12 ноября 1989 г. Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР) в составе МССР, 19 августа 1990г. Гагаузкой Республики в составе СССР - мощное эхо Комратской Республики 1906г.

Принятие, с настоятельного требования и согласия тогдашнего руководства Гагаузкой Республики, Парламентом Республики Молдова в 1994г. Закона «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» является историческим достижением борьбы гагаузского народа за свое саморазвитие и самоопределение.

НАША ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Огузское государство

После падения Восточнотюркского каганата политическую власть в 742 году взяли в свои руки аристократы басмылов, уйгуров и карлуков. Вождь басмылов присвоил себе древнетюркское звание кагана, предводители карлуков и уйгуров - жабгу. В 744 году басмылы потерпели поражение от объединенных сил уйгуров и карлуков. Предводитель племени уйгуров стал называться верховным каганом, а вождь карлуков сохранил за собой звание жабгу.

Спустя несколько лет, в 766 году карлуки завоевали Жетысу, там жили племена огузов. Огузы после поражения в войне с карлуками в 766 году стали переселяться из Жетысу на склоны Каратау и в устье Сырдарьи, окрестности Арала.

Хотя в середине VIII века огузы достигли границ Мавераннахара, но сразу же завладеть политической властью в регионе Сырдарьи не смогли. Только во второй половине IX века огузские вожди, заключив союз с определенной частью карлу-

ков и кимаков, нанесли удар населявшим эти земли печенегам, баджагарам, нукардам и баджанам. Так огузы поселились на степных землях вдоль Сырдарьи и Приаралья.

В конце IX века огузы заключили союз с хазарами и нанесли печенегам сильный удар. Они завладели территорией между Уралом и Волгой. Местные племена, потерпев поражение от огузов, отступили и были вынуждены уйти в Малую Азию.

В 932-933 гг. огузы вторглись в Византийскую империю. Остатки разгромленных печенегов вошли в состав союза огузских племен. Смута второй половины VIII века и конца IX века дала толчок развитию государственной структуры среднеазиатских огузских племен. В результате этого в IX-X веках образовались государства сырдарьинских жабгу.

Огузское государство имело два политических центра. Один из них назывался Старой Гузией (Ески Огузлар), который расположился в регионе между западными отрогами Тянь-Шаня и Сырдарьей - в Каратау. Ещё одним центром огузских представителей был Янгикент в низовье Сырдарьи.

Согласно сведениям, в борьбе с печенегами племя салыров сыграло особую роль. Господство правителей этого племени, взявших политическую власть в свои руки на Сырдарье, продолжалось до движения сельджуков, т.е. до середины X века. В связи с тем, что во второй половине X века к власти пришел хан Али, власть перешла к племени каракойлы.

В IX-X веках государство среднеазиатских огузов не было единым. По свидетельству аль-Идриси известно, что имелись такие владения, которые были наполовину свободными и независимыми на деле. Вожди крупных племенных объединений жили в прочных укреплениях и содержали специальные войска.

Правитель огузского государства в X-XI веках имел звание жабгу. У огузского жабгу не было сильной власти. Его власть ограничивалась советом крупных военно-племенных аристократов. Власть жабгу передавали по наследству. Наследника жабгу называли «инал». Для избрания жабгу созывалось

народное собрание (халк топлушу) на которое, в основном, собирались аристократы.

Главный полководец в стране играл большую роль, он, как и в других тюркоязычных племенах, назывался «сюбаши».

Этнический состав Огузского государства IX-XI веков не был однородным. Жителями городов и сельских местностей низовья Сырдарьи были ираноязычные и тюркоязычные огузы. В составе огузов были печенеги, асы, аланы и другие степные племена. Так, тюркоязычные племена, находясь в подчинении сырдарьинского жабгу, стали называться «огузы».

Тесные связи северных групп огузов с кимаками оказывали влияние на их язык и культуру. Известно, что Махмуд Кашгари придавал значение сходству огузского и кипчакского языков.

В быту огузских племен, населявших территорию современного Западного Казахстана, наблюдается сходство с башкирами и другими соседними народами. В целом западные границы поселений и крепостей огузов доходили до Южного Урала и левобережья Волги. Для огузских правителей источниками прибыли были налоги, а также захват богатств и рабов во время завоевательных войн. они совершали нападения на территории Мавераннахара, Хорезма, Хорасана и Журжана.

Появление огузов на исторической арене Средней Азии и Восточной европы изменило соотношение сил Хорезма, Хазарии, Руси и Булгарии. В 965 году состоялось военное соглашение между огузским жабгу и князем Святославом, направленное против хазар, в результате чего Хазарскому каганату был нанесен сокрушительный удар. Благодаря разгрому Хазарского каганата возросло политическое влияние Огузского каганата.

В конце X века огузский жабгу вместе с киевскими князьями совершил нападение на Волжскую Булгарию. Во второй половине X века стали появляться признаки ослабления мощи сырдарьинского жабгу.

Восстание огузов против хана Али повергло государство в кризис. Хан Али погиб в затянувшейся войне с огузами Амурдарьи, отказавшимися от уплаты налогов.

Ослабление этого государства еще более усилилось во времена борьбы с вождями сельджуков, захватившими Жентскую область. Восстание сельджуков поддерживали кочевые племена огузов и оседлые жители сырдарьинских городов, которые были настроены против правителей хана. Но через некоторое время сельджуки были вынуждены уйти с территории Жента, а народное восстание было подавлено.

В 1041 году сын и наследник хана Али Шахмалик захватил Хорезм. Но эта победа была недолгой. Спустя два года сам Шахмалик был захвачен и убит сельджуками.

Огузское государство, ослабевшее от народного восстания и борьбы с сельджуками, окончательно пало после нападения кипчаков. Огузов, бежавших из Средней Азии и Поволжья в глубь европы, сопровождали кипчаки. В 1060 году объединенные войска Киевского, черниговского, Переяславского княжеств отправляются в поход против тюрок. В это время огузы, оттеснив печенегов, завладели частью южнорусской степи.

Разгромленные княжеским войском и подвергшиеся преследованию кипчаков огузы вынуждены были бежать за Днепр, а оттуда - на Дунай. Одна часть огузов, оставшись на Днепре и Дунае, стала зависимой от кипчаков и Киева. Их подавляющая часть, перейдя Дунай, ушла на земли Византии. На первых порах огузы нанесли удар булгарам и грекам, подвергли разграблению Иллирию и Фессалоники. Но основные силы огузов, ослабевшие от зимнего холода и голода, были разгромлены булгарами.

После этого часть огузов подчинилась Византии, другая их часть вернулась обратно в южнорусские степи. Оставшиеся на Балканах огузы получили от византийского императора свои доли из казенных земель Македонии. Огузы, вернувшиеся назад в сторону земель за Дунаем, расположились недалеко от границ Киевской Руси.

Владимир Мономах заключил с ними договор в 1080 году, поселил вдоль границ Руси. Они охраняли южно-западную границу киевских земель от нападения кипчаков. Часть огузов объединилась и подчинилась Караханидам и Мавераннахре и сельджукским правителям в Хорасане. Часть их, оставшаяся

после разгрома кипчаками, слилась с тюркоязычными народами Дешт-и Кипчака.

Огузские племена, населявшие долины Сырдарьи, Арала и окрестности юга Каспия, оставили значительный след в истории казахов. В исторических сведениях огузы названы как один из дальних предков казахов. Огузы являются одними из основных предков туркменов, узбеков, каракалпаков. Наряду с этим их южная группа, переселившаяся в XI-XIII веках в Закавказье и Малую Азию, сыграла важную роль в этногенезе азербайджанцев, турков, гагаузов.

Сноски и примечания

Введение

1. История Молдавской ССР Т.1. Кишинев, 1965 г.
2. Иванов Ю.Г. Революционное движение в Молдавии (с 1885 по февраль 1917 г.г.). Кишинев, 1980 г.; Бабилунга Н.В. Барометр показывает бурю. Кишинев 1987 г.
3. Бабилунга Н.. Галацан Андрей Павлович (1875-1942г.г.). – Борцы за народное счастье. Кишинев, 1987г.
4. Бантке С.С. – 20-летие существования Комратской Республики в Бессарабии. Статья опубликована в газетах «Червонный Орач», 1926, 17 февраля и 10 марта; «Плугарул Рош», 1926, 17 февраля и 10 марта.
5. Николаев П.Н. Комратская Республика (Воспоминания участника). – «Красная Бессарабия №№ 1-2, 1931 г.
6. Туфар Н.Х. Национально-освободительное движение гагаузского народа в годы первой русской революции. – газ. «Хаберляр», декабрь 1993 год.
7. Танасоглу Д. «Узун Керван». Кишинев, 1984 г.
8. Журн. «Красная Бессарабия», №№1-2, 1931, стр.3
9. Согласно Всесоюзной переписи населения 1979 года по численности гагаузы занимали 26 место среди более чем 100 народов СССР. 54 из народов СССР имели свою государственность в следующих формах: Союзная республика, автономная республика, автономная область, национальный округ. Гагаузы не имели свою государственность ни в какой форме.

Накануне

10. Крестьянское движение в Молдавии. Документы и материалы. Кишинев, 1961 год, т.5 стр. 11-12.
11. Там же, с.17-18.
12. Там же, с.19.
13. Там же, с.43-44.
14. Там же, с.53.
15. Там же, с.54.
16. Цит. По: Иванов Ю.Г. революционное движение в Молдавии (с 1895 по февраль 1917 г.). Кишинев 1980 г.
17. Там же, с.

Восстание

18. ЦГАОР СССР Центральный Государственной Архив Октябрьской Революции СССР. (Ныне Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР). Ф.102, 7-е изд-во, 1906 г., д.2 ч.4, лл. 12, 16.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.

23. Там же.
24. Там же.
25. Там же, лл. 12^{об}, 16^{об}.
26. «Болгарского происхождения - имеется в виду выходцев из Болгарии».
27. Там же, лл. 12^{об}, 17^{об}.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же, лл. 12^{об}, 17^{об}.
32. Там же.
33. Там же, лл. 13^{об}, 18^{об}.
34. Там же, лл. 13^{об}, 18^{об}.
35. Там же, лл. 13^{об}, 18^{об}.
36. Там же.
37. Там же, лл. 13^{об}, 19^{об}.
38. Там же.
39. Там же, лл. 14^{об}, 19^{об}.
40. Там же, лл. 14^{об}, 20^{об}.
41. Там же, лл. 13^{об}, 18^{об}.
42. Там же, лл. 13^{об}, 18^{об}.
43. Там же, лл. 13^{об}, 19^{об}.
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же, л. 8.
47. Там же, лл. 13^{об}, 19^{об}.
48. Там же, лл. 14^{об}, 20^{об}.
49. Там же, л. 8^{об}.
50. Там же.
51. ЦГА (центральный Государственный Архив МССР (ныне Национальный Архив Республики Молдова)), ф. 39, оп. 1, д. 582, л.45.
52. ЦГАОР и социалистического строительства в СССР, ф.102, 7 изд-во, 1906 г., д-2 ч.4 л. 70.
53. Там же, л. 62.
54. Там же, л. 72.
55. Там же, л. 70.
56. Там же, л. 65.
57. Там же, л. 62.
58. Там же.
59. Там же, л. 63.
60. Там же.
61. Там же, л. 63.

На пути к 6 июня 1906 г.

62. ЦГИА УССР (ныне ЦГИА Украины), ф. 419 оп.1, д. 4590 л.1.

63. Там же.
64. Там же.
65. Там же.
66. Там же, л. 3.
67. Там же.
68. Там же, л. 5.
69. Там же.
70. Там же, л. 4.
71. Там же, лл. 8^{об}, 8^{об}.
72. Там же.
73. Там же, д. 4591 л.1.
74. НА РМ ф. 297 оп.1, д.64 л.7.
75. Там же, л. 10.
76. Там же, л. 22.
77. Там же, л. 30.
78. Там же, л. 28^{об}.
79. Там же.
80. Там же, л. 29.
81. Там же, л. 31.
82. Там же, л. 32.
83. ЦГИА Украины ф.419 оп.1 д.4591 л.4.
84. Там же, лл. 7, 7^{об}.
85. Там же, лл. 11, 11^{об}.

События 6 июня

86. Там же, ф. 348 оп.1 д.288 л.3.
87. Там же.
88. Там же.
89. Там же, л.3^{об}.
90. Там же, лл. 3^{об}, 4.
91. Там же, л.4.
92. Там же.
93. Там же, л.5.
94. Там же, лл. 5, 5^{об}.
95. Там же, л.5^{об}.
96. Там же.
97. Там же.
98. Там же, л.6.
99. Там же.
100. Там же.
101. Там же, л.6^{об}.
102. Там же, лл. 6^{об}, 7.
103. Там же, л.7.
104. Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Комратская республика 1906 год – предтеча этнополитической деинфантилизации гагаузов	3
Введение	9
Накануне	16
Восстание	22
На пути к 6 июня 1906 г.	34
События 6 июня	47
Вместо заключения	54
Огузское государство	55
Сноски и примечания	60

УЧАСТНИКИ КОМРАТСКОГО ВОССТАНИЯ

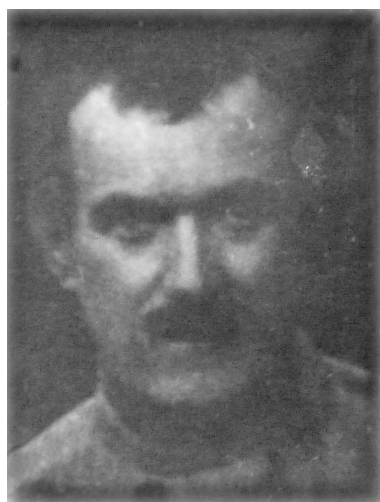
Галаев А.

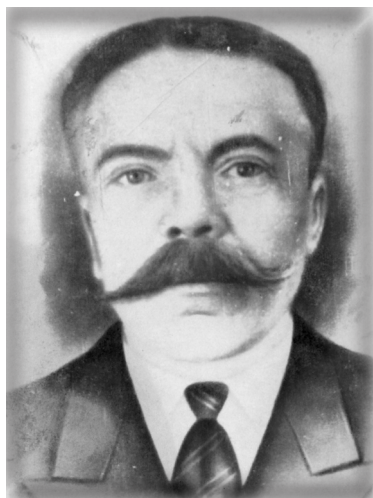
Николаев П.

Маджар Д.

Георгиев Г.

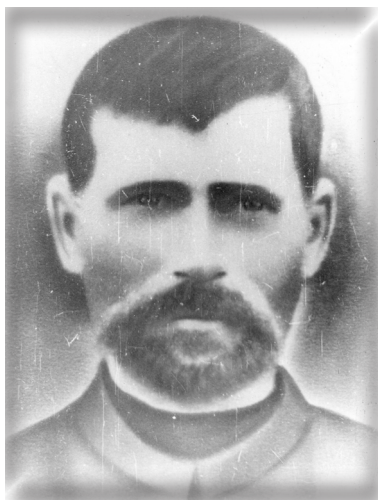
Ярыгин И.

Болфосов М.

Болфосов Ф.

Порграсс И.

Главчев И.

Кристиогло С.

Здание двухклассного училища
в котором Галацан А. проводил собрания

П. Николаев проводит беседу с учащимися
Комратского реального училища

А. Галацан и учащиеся Комратского реального училища

Оружие участников восстания

